Инфер 2

Автор:
Дем Михайлов

Инфер 2

Дем Михайлов

Инфериор #2

Мир, которого мы еще не знали. Постапокалиптичные огромные города, удивительные племена с самыми причудливыми и порой страшными обрядами, невероятные чудовища, что бродят по густым джунглям, безводным пустыням или же скрываются в мутной воде рек…

В этом цикле Оди, же безжалостный, смотрящий только вперед, продолжит свой путь, пытаясь докопаться до сути происходящего вокруг безумия. Пытаясь отыскать того, кто ответственен за происходящее.

Дем Михайлов

Инфер 2

Глава первая

– Плохо, команданте Оди! Дурной пример… очень дурной пример подается нашей молодежи! – никак не могла уняться пухлая бабенка в одеянии, похожем на мешок с пришитыми тряпичными цветочками.

Она пыталась казаться милой и мирной. Но у нее нихрена не получалось. Вот вообще нихрена. И только поэтому она еще не улетела в колючие заросли, а продолжала стоять рядом со мной и говорить, говорить, говорить.

На губах легкая мирная улыбка, глазки сверкают. Вот только она не замечает, что ее пожелтелые крупные зубы зло оскалены, она не видит, как мелко и злобно трясется ее шея, как глубока залегшая меж бровей складка и как брезгливо наморщен нос. Все это делало ее похожей на жирную лесную собаку, что звонко тявкала, трусливо припадая к земле.

– Мы пришли сюда за миром! Все двести семьдесят человек! Мы собирались здесь человечек за человечком, бережно относясь друг к другу и делая все, чтобы сохранить здесь эту спокойную уютную атмосферу без насилия. И у нас получалось! Мы брали в руки инструменты, но не оружие. Мы разрешали конфликты спорами, а ростки недовольства не давили, а бережно выпалывали с помощью долгих разговоров. Нас становилось все больше. И мы были всем довольны! Пока не… пока не явился ты со своими бойцами. Да, у нас тоже случались мелкие проблемы, согласна, что команданте Педро был не самым лучшим из нас, понимаю, что многие задания милостивой Матушки не выполнялись, но этому всегда была ясная объективная причина, и мы признавали свою вину, свои недочеты. И Мать прощала нас! Мы же, позднее, почти каждый вечер устраивали долгие демократичные собрания. Так в древности собиравшиеся мудрецы вместе решали социальные и иные проблемы, подолгу выступая с трибуны. Так зародились принципы демократии и ответственности, что равным грузом легла на плечи каждого из граждан. К этому мы стремимся и здесь! Мы равны! И как равный равному я хочу заявить тебе, команданте Оди…

Выбросив вперед руку, я сжал пальцы на ее пухлых щеках и резко сдавил, разом ощутив, как с внутренней стороны мясо щек вдавилось в зубы. Заглянув в ее глазки, я сжал пальцы в два раза сильнее.

– М-М-М-М-М-М-М-М!

Подтащив ее ближе, приблизив ее лицо к моему, я медленно ощерился, выдержал паузу и, не обращая внимания на ударивший в нос запах свежайшей мочи, пришедший снизу, заговорил:

– Здесь нет демократии. Здесь нет равных. И никогда не было – ни здесь, ни во всем мире. Демократия – это та сказка, которую сильные, богатые и решающие придумали для слабых, бедных и недовольных. До меня вами правила даже не Мать, а грабитель Педро, что считал себя королем, а вас ни во что не ставил. Теперь здесь я. Но я вам не король. Я надзиратель с шипастой дубиной. Я тот, кто, сука, приведет здесь все в порядок – и в кратчайшие сроки. И знаешь, почему я трачу на тебя слова, ленивая ты тварь? Знаешь?!

– М-М-М-М-М-М!

– Ответ прост. Я трачу на тебя слова и время, чтобы ты, гребаная ленивая дура с раздутой харей и непомерным самомнением, на очередном вашем вечернем собрании передала всем здешним – бойтесь гоблина Оди! Бойтесь! Потому что я привык работать с жестким солдатским мясом. Я привык ломать тех, кого ломать тяжело. А тут нет солдат. Сюда со всех окрестностей, спасаясь от тяжелой работы, стекся жиденький вонючий студень гражданской тухлятины. Те, кто покрепче – остались там. Продолжают пахать на сносе старых дорожных эстакад, упорно долбя молотами бетон. Дельцы, трактирщики, портные, сапожники – все остались там! Они вкалывают! Зарабатывают песо! С нетерпением ждут следующего утра, чтобы скорее взяться за тяжелый инструмент и начать пахать! А ленивый студень стекся сюда – потому что у таких, как вы, рыхлых, вечно чем-то недовольных, обвиняющих кого угодно, но только не себя, нет и никогда не будет собственных сил для карабканья по крутому склону безжалостной жизни. Вы рабы жизненной социальной гравитации. Лентяи.

– Мы… мы хотим лучшей жизни… мы имеем право…

– Но знаешь, жируха, наевшая бока от безделья… есть парочка средств, способных взбодрить даже таких, как вы – боль, смерть, изгнание… Это лучшие энергетики. Бодрят! Тебя ведь взбодрила боль от выламываемых прямо сейчас зубов?! А?! Взбодрила?!

– М-М-М-М-М-М!

– Боль прочистила твою тупую башку?!

– М-М-М-М-М! Д-А-А-А-А!

Отшвырнув местную активистку, я повторил:

– Бойтесь меня! Тех, кто пашет – я не трону. И защищу от любых внешних тварей. Остальных, ленивых и никчемных, хотящих только безделья – в жопу! Лично затрамбую таких в самую вонючую дохлую гнойную жопу, где и место тем, кто нихера не делает, зато много говорит! Ты меня поняла?

– Да… да, сеньор… Что ж вы так жестко… я же просто… глас народа… Глас мирного народа…

– Вы не народ! Вы сброд, бежавший от проблем и работы! У вас был шанс подняться, завоевать статус новой системы! И вам дали второй шанс – здесь, на руинах! Вы уже могли бы построить дома, вырубить леса, расширить огороды и сады, обеспечить себя горой продовольствия! Но… все, что вы сделали – пара десятков хлипких навесов… да еще нашили тряпичных цветов на одежду.

– Это орхидеи… – всхлипнула пухлая, тяжело поднимаясь на ноги.

– Начинай работать, – мой взгляд уперся в ее затрясшуюся рыхлую фигуру. – Передай всем каждое мое слово. Без искажений! И добавь – если кто-то хочет свалить – пусть валит!

– Я… – морщась от боли в щеках и деснах, пухлая активистка все же пыталась улыбаться. – Я… считаю, наша беседа прошла продуктивно… мы многое обсудили… поняли точку зрения каждого и совместно решили… чуть позже мы выработаем четкий план, где каждый получит свою зону ответственности и…

Шагнувший вперед Каппа молча дал ей в лоб, и пухлая снова улетела с тропы. Я смотрел, как она ворочается с неким даже… восхищением. Этих не переделать. Даже сейчас они стараются высоко держать головы, изображая собой опасных кобр, тех, с кем обязательно надо считаться. А в прежние времена, в их славные демократические деньки, эти раздутые заразные клопы создавали куда больше проблем. Считающие себя умными, правыми, ущемленными, а на самом деле просто хотящие меньше работать, но больше зарабатывать.

К зарыдавшей кинулся тощий мужичок, попытался поднять ее, но не преуспел. Выпятив костистую грудь, едва прикрытую натянутой майкой, он перекосил

харю, подхватил с земли камень и попер на нас с занесенным над головой оружием. Мы спокойно и утомленно ждали.

Три шага до нас. Шаг агрессора широк, он орет что-то несвязное.

Два шага. Мужичок замедлился, рука с камнем пошла вниз, замерев на уровне плеча.

Шаг… рука опустилась, пальцы разжались, и камень упал на землю. Поникший герой затих в полушаге от протяжно зевающего мечника. Он что-то бубнит.

– Передай всем, гнида, – шепчу я ему на ухо, прежде чем отшвырнуть со своего пути. – Здесь демократии нет. Тут все будут пахать до усрачки, пока из жопы не хлынет кровь вперемешку с ленью и эго. Кто не хочет пахать – пусть идет нахер прямо сегодня. Понял?

– Я передам всем… сейчас же… – мужичок испуганно кричал уже с земли, напоровшись боком на поваленный сучковатый ствол. – Передам!

– Но сначала оттащи это бревно к кухонному навесу, – улыбнулся я и навел палец на севшую и настороженно прислушивающуюся пухлую. – Она тебе поможет.

– Я же сердечница, – ахнула она. – Давление… в глазах мутится.

– Если через час бревно не будет у кухонного навеса – прикончу обоих. Если кто-то поможет вам – прикончу и вас, и помощников.

Не дожидаясь ответа, я зашагал дальше, жестом подозвав к себе и без того спешащего навстречу Хорхе, обогнавшего нас на внедорожнике и доставившего к жилой «кляксе» не только наши экзы, но и прочую добычу из подземного коридора – включая демонтированный терминал и его периферию.

– Видел, что было?

– Качали права, – кивнул Хорхе и чуть отодвинулся от зло глядящего Каппы, что не забыл о утроенной ставке специалиста механика-водителя-рядового. – Мне

следует…

– Потрать пару часов на разговоры.

– Я разъясню этим славным мирным жителям, насколько сильно им повезло, что такие надежные и сильные воины, как мы, решили изменить их жизнь к лучшему, – понятливо кивнул Хорхе и посмотрел на стоящую над сучковатым бревном парочку. – И начну с них.

– Держись поблизости.

– Да, лид.

Я зашагал дальше, задумчиво крутя в руке найденную в тоннеле тонкую металлическую пластину с надписью «ВестПик». Обогнавший меня Каппа перешел на бег, спеша до моего прибытия к жилой зоне успеть все подготовить. И успел. Когда я подошел к первому навесу в раздражающе нестройном ломаном ряду, я увидел не только гоблинов, выполняющих дополнительные задания системы, но и вооруженного молотком Каппу, долбящего им кирпичную стену только что очищенной от лиан невысокой постройки, что больше походила на кирпичную тумбу.

Гоблины же, часть из которых мне робко улыбнулась, а часть отвела глаза, были заняты очисткой навесов от растительности – меры противопожарной безопасности. Еще два навеса сносились – стояли слишком близко друг к другу. Система и раньше просила не возводить навесы слишком близко друг к другу, но ее приказы-просьбы-увещевания всеми по мере сил дружно игнорировались. А вот теперь все огрехи исправлялись. Все срубленное и ненужное относили к внешней стене, где на очищенном пятачке неспешно дымилась огромная куча тонких ветвей и травы. В воздухе витал запах дыма, древесного сока, пота гоблинов и жареного мяса. Там, где я проходил, работа ускорялась в разы. На раздавшийся тонкий вскрик я особого внимания не обратил – один из решивших показать мне свое мастерство молодых мужиков взмахнул топором и гордо отхватил себе большой палец левой руки, хотя собирался перерубить удерживаемую в руке лиану. Надо отдать должное торопливому дебилу – крик он унял быстро, рану прятать не стал, хотя встречаются и такие. Встряхнув изуродованной кистью он подобрал с земли отрубленный палец и побежал к дальнему навесу, отмеченному большим деревянным щитом с ясно различимым

красным крестом.

Медпункт.

Еще одно место из здешнего невеликого ассортимента, куда я собирался заглянуть лично, как только появится время.

Пока же я вернулся к внедорожнику, поставленному не на общей стоянке – куда я тоже собирался – а в тени двух высоких деревьев, растущих за огородами и находящихся от внешней стены в паре десятков метров. Молодой и пока нихрена не умеющий рекрут Камино выглядел дохлым, но всего лишь спал беспробудным мертвым сном, ничком распластавшись на тонком одеяле. Рядом с головой валялась пустая бутылка – высосал всю воду и отрубился. А вон и обертка от таблетки «шизы» – а она у нас почти закончилась, живем на старых запасах. Камино же… он отрубился даже не от непривычной физической нагрузки – ее пока еще не было – а от переизбытка эмоций за последние сутки. Мозг, этот предпочитающий убегать в забытье от психических перегрузок орган, скомандовал «стоп машина!» и тело отключилось.

За внедорожником бодро общались двое – вооруженные граблями и мачете тощие близнецы, чей рост не достигал полутора метров. Поставив дротики к древесному стволу и оставив за плечами одинаковые двустволки, а на поясах чуть изогнутые ножи, они очищали это место от всего, на что им успел указать убежавший Хорхе. Листва, сухие ветки, кости, птичье и звериное дерьмо, перья, высокая трава, цветочки, низкорастущие ветви – все это обламывалось, вырывалось, сгребалось и бросалось в еще один тлеющий костер, мудро разожженный так, чтобы дым не летел к машине.

Это место – между тремя высокими деревьями с пышными сомкнутыми кронами – я выбрал сразу же, как только мельком осмотрелся на бегу. Тут небольшая возвышенность, а примерно в тридцати метрах в стороне в небо указывает высоченный стальной палец – остатки малой причальной мачты для небольших дирижаблей. Удара молнии по деревьям можно не бояться, а густые кроны защитят от солнцепека. Еще один весомый плюс на текущий момент – выбранное место находилось на максимальном удалении от здешних сортиров, что представляли собой несколько не слишком глубоких ям прикрытых дощатыми постройками. Вонь они источали невероятную. Но это ненадолго – я передал Хорхе, а тот наверняка уже передал здешним гоблинам, что к сегодняшнему вечеру я хочу, чтобы старые ямы были засыпаны, новые вырыты, а

если я хоть раз наткнусь во время прогулки на кучу свежего говна где-то в неположенном месте, я найду засранца… Дальше я продолжать не стал – Хорхе меня понял. У бывшего консильери все больше и больше работы, но его это никак не напрягало. Наоборот – он расцвел. И носился на неутомимых крыльях прирожденного организатора. Не лидера. Но организатора.

– Убираем мусор и экскременто, сеньор, – неумело поклонился один из близнецов, а второй старательно заулыбался. Руки они держали так высоко, что казались птицами, собирающимися улететь. Так они показывали, насколько их пальцы далеко от ножей. Мы, мол, уборщики мирные, скребем говно, ломаем ветки, гоблина Оди убивать не собираемся.

– Продолжайте, – бросил я и, кинув на капот внедорожника одеяло, спросил, не глядя на трудяг: – Хорхе предложил нормальную оплату?

– Да, сеньор Оди. Оплата щедра, – вступил в разговор второй близнец, часто закивав. – Десять патронов двенадцатого калибра с мелкой дробью. А если мы еще принесем пять вязанок сухих дров, то получим еще пять патронов с дробью покрупней. Оплата щедра…

– Вон те кусты видите? – я указал на высокие цветущие заросли, закрывающие стволы криво растущих деревьев у самой стены. – Избавьтесь от них и получите еще десять патронов. Если повалите деревья, обрубите ветви и сложите стволы вот тут – с меня еще десять патронов с дробью.

– Спасибо, сеньор! Мы согласны!

Заулыбавшиеся еще шире братья вернулись к работе с удвоенной силой. Я же расстелил брошенное одеяло и начал укладывать на него личное имущество.

Экзоскелеты надо беречь. Сломайся, выйди из строя любая мелочь – починить не сможем. Ладно еще, если где-то сместится элемент брони или надо будет отполировать помутневшее забрало – это еще мелочи, и они нам по силам. А если сдохнет сервопривод или коротнет один из электронных блоков? Все. Боевой экз превратится в бесполезную уродливую статую. Примерно как те два шагохода, что стояли на площади поселения Понти Севен – считай, мусор, единственная польза от которого – это отбрасываемая ими зыбкая тень.

И раз мы снова боевые гоблины в стандартной снаряге… надо опять привыкать постоянно таскать с собой все необходимое. Вот я и занялся сортировкой личных вещей и оружия. Разгрузку тоже снял, а вот бронежилет и старый серый шлем – трофеи – оставил на себе. Жарко, потно, но надо привыкать. Ну и главное – хрен его знает, сколько тут еще осталось предельно недовольных моим появлением здешних гоблинов. И не хотелось бы получить в затылок или спину мстительную пулю. Поберегусь. И остальным так велел – поэтому Каппа и Хорхе в полном облачении. Валяющийся в одних трусах Камино пока не в счет.

– Лид…

– Хорошо, – кивнул я, повернувшись к вернувшемуся пропыленному Каппе, возглавляющему колонную из шестерых гоблинов, с натугой несущих к выбранному мной месту постоянного лагеря три загруженных стола.

Когда столы встали на уже очищенную от мусора землю, гоблины тяжелой рысцой потрусили за остатками нашего барахла – уже далеко не все вмещалось во внедорожник и перегруженный прицеп. Бегуны и носильщики были довольны своей участью – Каппа заплатил каждому, воспользовавшись отбракованными мной ножами, тесаками и теми чертовыми дротиками и копьями, чьему количеству я удивлялся до сих пор. Но раз это оружие было здешними востребовано – я с радостью пользовался им в качестве оплаты их труда, сберегая более ценные предметы и песо.

Надо же… впервые я всерьез задумался о деньгах.

Здесь они в разы важнее – причем не для покупки чего-то у, считай, нищебродной управляющей, а для возможных сделок со здешними разбросанными по джунглям поселениями. Аборигены много чего могли отыскать в джунглях, но просто так не отдадут. Забрать? Так ведь не знаешь, что и у кого забирать. А если дать весть, что некий команданте Оди дает справедливую цену за тот или иной товар – может, что и выгорит.

– Закончил с долбежкой дыры? – поинтересовался я, опустошая поясную сумку на одеяло.

– Да. Один из понимающих выравнивает края под размеры.

– С установкой справишься, – я не спрашивал, я утверждал.

– Да. Все примитивно. Модули и полусферу я уже закрепил, – доложил Каппа и перешел на бег, возвращаясь к работе у стены.

Притащенный нами терминал не впечатлял, по сути представляя собой обычный здоровенный экран с небольшим количеством входов и выходов. Из того же коридора мы выволокли одну такую знакомую малую полусферу наблюдения, демонтировав ее с потолка, плюс со стен сняли несколько плоских сенсорных модулей. Система указала, куда и что закреплять. Мелкая проблема возникла только с установкой экрана-терминала – управляющая пожелала установить его так, чтобы экран находился на уровне глаз стоящего или сидящего на топчане гоблина, и был направлен на обеденно-социальную зону «кляксы», как я упорно ее называл. Одновременно с этим десяток гоблинов получил дополнительные задания от управляющей – установка впритык к кирпичной постройке нового высокого навеса, сооружение нескольких лавок.

Ничего странного. Все понятно и логично – едва получив такую возможность, система тут же решила вернуться к любимому с древности способу промывки и без того жидких мозгов – показ крутых видео и пафосное вещание о том, почему надо быть хорошим гоблином, почему надо работать как можно больше и лучше, почему надо любить систему.

Именно поэтому строился навес, расщеплялись на половинки ровные бревна, что тут же обстругивались и снабжались ножками. Выстроятся в ряд лавки, встанет еще несколько столов и… самое популярное в ближайшем будущем место готово.

Благодаря нам, система сейчас получит не только дополнительные глаза и уши, убрав остатки «сумрака» из жилой зоны, но и средство постоянного воздействия на здешние жидкие мозги и ленивые жопы гоблинов.

Да и похер.

Вернувшиеся носильщики притащили оставшееся, получили плату и всем довольные убежали – глядеть на то, как другие работают. Среди трудящихся был и рогатый минос – в храм ему больше не вернуться. Я об этом позабочусь.

Преодолевая накопившуюся усталость, я заставил себя перебрать поясную сумку и рюкзак. Набор медикаментов, патроны, несколько полных аккумуляторов для передатчика, одна универсальная энергобанка с несколькими гнездами выхода и небольшой выносной пластиной солнечной панели, что легко крепилась на плече. Сам передатчик на ремне поясной сумки, там же нож. Револьвер в кобуре на широком и жестком поясном ремне, туда же крепится подсумок с отделениями для автоматных магазинов. Сменное белье, энергетики, остатки шизы и витаминных таблеток, запасной нож внутрь, а мачете подвесить к рюкзаку… да много чего ушло в мой заплечный мешок, благо сил и выносливости хватало с избытком, чтобы тащить все это столько, сколько нужно – вместе с оружием. Расставаться с дробовиком, винтовкой и автоматом я не собирался, равно как и с револьвером. Но предпочту все это возить рядом с собой во внедорожнике – пока машина на ходу. Да… пока машина на ходу… До того, как позволю себе поспать, надо лично осмотреть стоянку здешней техники.

Закончив часть дел, я еще успел обтереться мокрым полотенцем и выпить литр здешнего холодного чая, прежде чем пришла ожидаемая, но при этом не без неожиданностей новость.

Внимание! Сенсоры активированы! Визуальная и аудио связь восстановлены!

Команданте-мерсенарио Оди. Поздравляю.

Задание «Демонтаж, транспортировка и монтаж

малого терминала КаргоМаг-7 (Дополнительное)» выполнено.

Награда: 4 большие ставки.

(нажать для получения подробностей)

Финансовый баланс: 8.

Ежедневная ставка: 5.

Задолженности: нет.

Статус: ***

Внутренний статус ВестПик: 1

Социально-карьерный статус: команданте-мерсенарио.

– Муторно, – поморщился я, безразлично скользнув взглядом по строчке «Ежедневная ставка: 5». Мне повысили содержание. Награда нашла героя. Дерьмо…

Здешняя «денежная» система была запредельно дерьмовой. Не располагающая финансами Управляющая оперировала тем, что имела, изо всех сил стараясь повысить свои товарно-денежные запасы.

Валютой была ставка – малая и большая. Примерный стандарт малой ставки – две полукилограммовые банки консерв Бункерснаб в подавляющем большинстве случаев. Иногда консервы заменялись совсем уж бесполезной хренью вроде пластиковых расчесок, ложек, вилок. Порой на одну ставку выдавали две тарелки или пять ложек. Короче – система выкручивалась, как могла. При этом хитрожопая Управляющая два раза из трех покрывала малую ставку дарами природы – в дополнение к обычному питанию выдавались фрукты, овощи, мясо.

В большую ставку входило уже что-то посерьезней. Тут уже дело было не в количестве, а в качестве. Система могла выдать отменный прочный жилет, длинные шорты с обилием карманов, отличный ремень с большой железной пряжкой, отмеченной штампованным рисунком. Стальные столовые приборы, солнцезащитные очки, бейсболки – в общем все то, что не только могло пригодиться самому, но и пользовалось огромным спросом там – в «законных» поселениях.

Но большую ставку получали только те, чей статус – в моем случае «внутренний статус» – равнялся минимум единице. Таким был Педро и пара его покойных бойцов. Таким теперь обладает мой отряд, включая Хорхе, но пока не Камино. И таким же статусом обладает Мокса Дырявая и еще трое из ее кладбищенской бригады. У них там вообще автономия – они обеспечивают себя всем необходимым сами, а с системой у них построено добросердечное взаимоотношение на основе дополнительных заданий, которые кладбищенские

реально выполняют, а не саботируют. Наверное, только поэтому вся здешняя организация еще не рухнула, а кое-как продолжает ворочать шестеренками.

Как по мне – Мокса лжет. У нее минимум двойка в статусе. А может, и выше. Слишком уж много у нее свободы, слишком хорошее вооружение, а ведь я видел лишь самую верхушку…

Чем выше статус – тем качественней заполнение любой ставки. Мне, как обладателю единицы внутреннего статуса, система уже не выдаст награду огурцами или баклажанами. Как минимум это будут консервы.

И все равно – дерьмо это все. Как и система выдачи наград – через «храм», где в одной из стен еще функционирует раздаточное окно, в том случае, если награда не с грядки.

Всю эту хрень надо срочно менять, налаживать под собственные нужды.

– Внимание! Сенсоры активированы! Визуальная и аудио связь восстановлены! – радостно оповестила система через подключенные динамики. – Рада приветствовать вас, жители ВестПик! Нас ждет великое будущее!

– Охренеть, – буркнул я и рассмеялся, глядя на изумленно застывших тощих близнецов, уставившихся в сторону жилой зоны.

Даже отсюда я увидел, как в кирпичной стене зажегся экран, начав выдавать картинка за картинкой. Я увидел, как к экрану будто завороженные потянулись гоблины, поспешно занимая местечки поближе, плюхаясь в теплую вечернюю пыль и впиваясь жадными до визуальной наркоты глазами в волшебный мерцающий экран.

Дополнительное задание выдано. Проверь интерфейс, команданте Оди.

– Мы посмотрим, команданте? – робко пробубнил один из близнецов.

– Выбор за вами, жители ВестПик, – добро улыбнулся я. – Ведь вас ждет великое будущее. Решайте…

– Э-э-э… нет… мы сначала доскребем экскременто и вырубим те заросли, да, сеньор Оди?

– Решайте, – повторил я.

– Мы закончим работу, а потом посмотрим волшебство, – принял твердое решение близнец, едва не пустив при это горестную слезу.

Дополнительное задание выдано. Проверь интерфейс, команданте Оди.

– Сумрак все же лучше, – вздохнул я, поворачиваясь к повисшей на толстой и частично обрубленной ветви малой полусфере наблюдения. – Сначала мы вешаем везде камеры и датчики, а потом они радостно имеют нас в благодарность. Да?

Покосившись на примотанную к стволу дерева проволочную клетку, я с хрустом повел шеей.

Ладно…

Пора еще раз пообщаться, Управляющая ВестПик…

Сказав пару слов в передатчик и получив от Каппы ответ, я отвязал клетку и потащил ее за собой, распугивая с тропы визгливых гоблинов, что отовсюду спешили на манящий зов мерцающего экрана.

Глава вторая

Дорога в храм была уже знакома. Но я поперся напролом, намеренно прокладывая путь сквозь нетронутый кусок джунглей. Под подошвами ботинок хрустело многое, но больше всего попадалось дерьма – гоблинского, мать его, дерьма. Эти тупорылые ушлепки настоящие эстеты, а? Неохота им тужиться в сортирах, где вонь из почти полных ям такая, что вышибает не слезу, а глазные яблоки. Им хочется чистоты под жопой и свежего воздуха вокруг. Именно поэтому они и засирают природу, оставляя везде кучи и лужи говна, не

удосужившись даже прикопать.

А потом удивляются – а че это свежесть природы уже не такая? А че это болеть все начали?

Дебилы не понимают или не хотят понимать диктаторскую правоту системы, старающейся, чтобы как можно большая часть выпущенного из холодильников населения вела кочевой образ жизни.

Когда бродячее племя в полсотни рыл, что никогда не ночует на одном и том же месте дважды, срет где попало – это не беда, а обезьянье благое наследие. И только на пользу природе. Уверен, что у этих дикарей ТИР растет сам по себе – до тех пор, пока они бродят и бродят по джунглям, ничего не производя, не ломая бетон и не сажая деревья, но при этом просто испражняясь в новых местах, вместе с отходами выдавливая из себя семена накануне съеденных плодов.

Зато оседлым приходится ежедневно доказывать безжалостной системе свое право на жизнь – хотя порой они кладут на это дело большой и толстый хер, после чего их внезапно казнят. Как того цветочника, что просто убивал растения и продавал их всем, кто желал подарить девушке связку ароматных трупов. И оседлым следует твердо знать, где гадить дозволено, а где за это можно жестко поплатиться.

Но я здешних предупредил. И уже никто не рискнет…

Замерев на полушаге, я уперся взглядом в широкую напряженную улыбку на потном смуглом лице. Раскоряченный за кустом гоблин с натугой выдохнул:

– А тропа там… вон там…

Жаль тратить патрон. Но все должно быть показательно.

Первая пуля ушла в мускулистую ляжку засранца, вызвав у него дикий изумленный крик.

– Вы задрали, – признался я, нажимая на спуск второй раз.

Вторая пуля угодила в землю – гоблин успел упасть на бок. Подскочив, семеня, он с диким воплем рванул прочь. Дождавшись, когда он уберется подальше, я выстрелил еще раз, проверяя смогу ли попасть по петляющей и хромающей цели, что уже была почти скрыта стволами деревьев и зарослями. Попал. Куда-то в спину, что вызвало еще один дикий заполошный крик, заставивший и без того взлетевших птиц из осторожности убраться к самым облакам.

Когда чуть стихло, я щелкнул тумблером передатчика, чтобы опередить наверняка уже летящего сюда Каппу:

– Отбой, десятник.

Секунда… и сквозь легкий шум помех до меня долетает бесстрастное:

– Принято, лид. Из джунглей выбежал срущий на бегу гоблин с дырой в ляжке и спине. Катается по земле и орет, что больше так не будет.

– Передай всем – если Оди сказал в джунглях не срать – в джунглях не срать!

– Да, лид.

Глянув на бьющегося в клетке плукса, я заменил отстрелянные патроны в барабане револьвера и двинулся дальше, внимательно поглядывая под ноги. Шел не напролом – влом перетаскивать постоянно цепляющуюся клетку через бревна и кусты. Петляя, удлинял себе путь, но был этому только рад – наконец-то есть время оценить свое физическое состояние, прислушаться к работе каждой мышцы, оценить ощущения остывшего тела. Когда ты в постоянной движухе, когда вечно куда-то бежишь, кого-то догоняешь или убиваешь, мозг гасит добрую половину всех негативных ощущения тела в стремлении выполнить приказ сознания. И это чревато.

Пока добирался до храма, успел убедиться, что организм хоть и измотан – а когда было иначе? – но вполне функционален и, можно даже сказать, здоров. Но я бы не отказался от щедрых системных инъекций – витамины, изотоники, усилители, активаторы и прочее, что так хорошо сказывается на иммунитете, выносливости, силе и скорости. И на психической, мать ее, стабильности…

Это была главная причина моего визита к системе. Что с уколами? Мне не улыбается превратиться в берсеркера. Даже если это ненадолго – все равно нет. Я порой люблю проходить по самой грани потери самоконтроля, но сваливаться в пропасть пылающей ярости берсеркера не желаю. Я не травоядное вроде быка или носорога, которых порой клинит от переизбытка клетчатки в жопе.

В принципе, пока можно особо не дергаться – совсем недавно, буквально пару суток назад, мы с Каппой уже побывали в шкурах упоротых безумцев, голышом носясь по здешним джунглям. Это неплохо так истощило наш запас эмоций. Но необходимые уколы надо отыскать как можно скорее.

Ну и надо задать системе пару наводящих вопросов, а заодно посоветовать ей перестать маяться ненужной хренью.

Вывалившись на бетонный пятачок, я мельком глянул на подметающих девушек, охраняемых двумя стариками с дробовиками. И старперы были на высоте – едва я вынырнул из джунглей, как на меня уставились стволы.

– С патронами как? – поинтересовался я, мельком глянув на оружие и оценив его состояние как весьма приемлемое. Каждый день старперы дробовики не чистят, но зарасти оружию грязью не позволяют.

– Команданте, – кивнул один из стариков. – У каждого по патрону есть.

– Держите, – я вложил в подставленные ладони старика горсть патронов из поясной сумки, сверху кинул пару таблеток энергетика. – Картечь. Энергетики. Лучше не совмещайте.

– Благодарим, команданте.

– Если потратите патроны на зверье агрессивное, а не пальбу по уткам – получите еще. Если нужны патроны на пристрелку и проверку – возьмите дробовые. И стреляйте по зверью, которое можно в котел отправить.

– Подойти к тебе? – деловито уточнил старик. – За патронами? Есть еще штуцер без боеприпаса.

– Возьмите десяток и к штуцеру, – уже из сумрака бывшего склада ответил я. – Если нужна работа вам или девкам – спросите Хорхе или Каппу. Мы платим.

– А ты вроде так… не прям дерьмо.

– Тут ты ошибся, старик, – тихо рассмеялся я, окончательно растворяясь в темноте.

По памяти проходя лабиринт – а это неплохая защитная система – мимоходом подумал, что позднее сюда следует поместить постоянных охранников. Но не мифического, мать его, Минотавра, потрахивающего пискливых жриц в бывшей комнате охраны, а нормальных бойцов, что регулярно сменяются. Ну и устроить несколько закладок взрывчатки с возможностью дистанционной детонации. А что делать с огромной дырой в крыше?

Да и прикидывал я варианты просто для тренировки мозгов. На самом деле здесь все надо со временем очистить от завалов, крышу восстановить, здание усилить, перенести сюда жилую зону, устроив настоящую безопасную «кляксу». Разместить по периметру камеры наблюдения, а затем уже заняться внешней стеной…

Вот только заниматься этим всем не мне. Мокса Куидди. Это явно под нее задачка – она вот прямо оседлая. Помидорчики растит, овечек воспитывает, за пастухами приглядывает – чтобы овечек не сильно баловали скупой мужской лаской.

А мы здесь ненадолго – надо чуть освоиться, получить больше информации, разобраться с этими странными подземными магистралями, навестить странных транспортников, что передвигаются на шагоходах, и потолковать по душам с их лидером Лобо, расспросить его обо всем. И, самой собой, не забыть задать ему вопросы о том, как можно – пусть и ненадолго – вернуться в родную опухоль, что так рьяно охраняется автоматическими турелями-лейкоцитами…

А я тогда кто? Сбежавший раковый метастаз? И турели вместе с системными шагоходами не зря пытаются меня прикончить, пока я не наделал дел, что приведут к неисправимым последствиям?

Звенящие от переизбытка чувств голоса я услышал издалека. В переплетении кишкообразных проходов звуки прилетали издалека, но уже искаженными, слов не разобрать, но вот эмоции… тут ярость, злость, страх, бешенство, беспомощность, уже не скрываемая истерика – все это круто замешано и усилено криком. Я чуть ускорил шаг, заранее растягивая губы в злой усмешке – вот, сука, уверен, что и это дерьмо напрямую связано со мной.

Первые слова я разобрал, когда миновал последний перекресток и взбежал по пологому склону, образованному упавшей плитой межэтажного перекрытия.

– Матушка! Он убивает нас! Он поработил нас! Угрозы! Боль! Страдания! Смерть! Вот то, что он принес с собой! Ничего светлого! Ничего святого! Эта тварь с железной шкурой просто убийца! Кровопийца! Он убил команданте Педро! Он! Он убил! И не только его!

Еще через пять шагов я уже не только слышал, но и видел происходящее пред очами внимающей системы. Там стояло трое. Один в том состоянии, что сейчас плукс в клетке – вроде еще ничего, энергии и сил хватает, но уже пошел какой-то внутренний надлом, ослабление. Но стоял он уверен, заняв позицию чуть впереди двух подпевал – парня и девки помоложе. Вся троица одета примерно одинаково и, что примечательно, выглядят они не то чтобы богато, но в здешних туземных реалиях кажутся неплохо прикинутыми. Чистые футболки, шорты с ремнями, ножи, за плечами старшего винтовка, для чего-то спрятанная в богато украшенный плетенный чехол. На ногах у всех не яростно ненавидимые мной шлепки или тапочки, а крепкие ботинки с высоким голенищем и на толстой подошве – идеальная обувь для блуждания по джунглям. У парня позади вместительный рюкзак, плюс у каждого по мачете – и сразу видно, что над стандартными здесь тесаками неплохо поработали, чуть сточив лезвия, увеличив рукояти. Перед системой стояла группа. По старой памяти я был назвал их низушками-полуросликами. Деловитые, работящие, знающие, где и как обойти систему, и потому преуспевающие. А здесь, с этой до блевоты податливой Управляющей, что в прошлом имела дело не с бесправными добровольно низшими, считай, рабами, а с квалицированной рабочей силой, имеющей немало гражданских прав… в этих условиях подобные им более чем успешны. И как только возникла угроза их благостному существованию, и – что самое главное – свободе, они тут же помчались сюда, явно уповая на свою репутацию работяг.

– Мы никогда не подводили тебя, Мать! – орал широкоплечий лидер группы, для убедительности стуча кулаком себе по ладони. – Мы каждый день выполняем минимум по два задания! Мы рубим деревья, таскаем камни, сжигаем мусор, убиваем ядовитых насекомых. Мы делаем все, что ты велишь! И мы счастливы! Мы истово трудимся тебе во благо!

– Трудимся! – поддакнула девка и, убрав руку за спину, показала в пространство средний оттопыренный палец. – Мы любим тебя, Матушка! – ее кулак трансформировался в кукиш.

Закашлявшийся от смеха парень повторил ее жестикуляцию и, почти не скрывая глумливость, проблеял:

– Мы любим тебя, Матушка! Любим!

– Всей душой! – подпела девка и, подняв руки, грациозно потянулась, напрягая подтянутое подкачанное тело.

– Этот человек – зло! Команданте Оди должен уйти, Матушка! Поверь нам! Он уже убил многих, и это не закончится до тех пор, пока он не убьет всех твоих детей! Изгони злодея из созданного тобой рая! Он как бешеный дивинус, что жаждет только убивать! Мы молим тебя, Матушка! Молим!

Если Управляющая и отвечала им, я это не видел – здесь система общалась только прямой отправкой текстовых данных в глазные чипы.

– Посмотри, что он творит! Он уже порушил навесы, срубил тенистые деревья. Наш навес! – лидер группы сорвался на дикий визг разъяренной свиньи, лишившейся родного хлева. – Он приказал снести наш обжитой навес! С сеткой от комаров, с любовно сколоченными постелями, с полочками под потолком. Он лишил нас дома! И почему?! Потому что мы слегка ошиблись в свое время, построив навес так, что он лишь слегка мешал твоему благостному взору?! Ты позволила нам там остаться! Ты разрешила! А он… он даже не стал слушать нас! А его помощник – узкоглазая долбанная обезьяна! – ударил меня в лицо, когда я открыл рот для робкого протеста! Они только пришли – и уже хозяева! А ведь они – людоеды! Наверняка людоеды! Им каждый день сырое кровавое мясо подавай! Мужчин съедят, а женщин изнасилуют – и тоже сожрут! Твари! Они прикончат нас, Матушка! Не обрекай нас на смерть своей терпимостью!

– И они оскорбляют тебя, Матушка! – торопливо заговорил парень, получив толчок от стоящей рядом девки. – Он сказал – ты фальшивка! Ты ненастоящая! Говорит, что ты ложная Мать! Говорит, что ты глупая! Он богохульник! Богохульник!

– Богохульник! – поддержала его подкачанная девушка.

Так ли это, команданте Оди?

Еще бы ей не спросить – оставив клетку в конце прохода, я бесшумно преодолел оставшиеся метры и последние пару минут стоял впритык к спинам недовольных, с интересом слушая их обвинения.

– Мне посрать, – буркнул я, произнеся эти слова прямо в ухо девки и зло клацнул зубами.

С заполошным перепуганным визгом та шарахнулась в сторону и упала в воду, распугав мелких рыбешек. Забившись, отталкиваясь ногами, он поползла прочь, не сводя с меня диких расширенных глаз. Очнувшийся парень – этот тормознутый ушлепок уже раздражал – с коротким блеянием тоже отпрыгнул примерно сантиметров на двадцать и задумчиво затих, пребывая в замешательстве.

– Ты точно не бог, – добавил я, поверх головы повернувшегося ко мне лидера рабочей группы глядя на помятый стальной шар. – Ты… машина. Искусственный разум, управлявший гигафабрикой. И не больше того.

Все твои утверждения верны, команданте-мерсенарио Оди.

Опустив глаза ниже, я с широкой усмешкой произнес, вколачивая каждое слово в мозг трясущегося упыря передо мной:

– Я убивал и буду убивать. Но… я не понял… ты назвал меня насильником и людоедом? – подавшись вперед, я заглянул в покрытое бисеринками пота скуластое лицо. – Да?

– Я… это…

– Вы идите, – улыбнулся я и качнул головой в сторону выхода. – Идите…

– Сохрани и оборони, – забормотал лидер группы, для чего-то тяня ко мне дрожащую руку. – Сожмем ладони в братском рукопожатии и пред очами Матери поклянемся жить в вечной дружбе и сог-гласии…

– Идите, – повторил я, отступая на шаг и отворачиваясь. – Идите…

– А-а-а-а… – тонко затянула продолжающая лежать в воде девка, смотря, как я снимаю с пояса передатчик.

Дура думала, что я собираюсь включить его и отдать страшный для них приказ? Она ошиблась. Все это время – как только я подошел ближе – передатчик уже был включен на прием. Каппа слышал каждое слово, а теперь мне надо дать лишь общие указания… конкретику мечник придумает уже сам.

Когда я вернулся, неся с собой клетку, троица уже была у дальней стены и, скребя по ней жопами, смещалась к выходу.

– Мы отдадим все, команданте! – прозвучало молящее из коридора. – И мы покаемся! Мы рабами будем! Рабами будем!

Рабство – неприемлемо.

Я промолчал. Я мерно и спокойно дышал, отсчитывая секунды. И спустя пару минут, когда убегающие ушлепки уже были за пределами храма, я снова заговорил.

– Каппа, – обронил я в передатчик. – Эти…

– Я понял о ком ты, лид.

– Они хотят делиться… и много работать нам в помощь. Бесплатно.

– Да, лид.

– Их старший…

– Да, лид.

– Я слышал, он неудачно упал. И выбил себе зубы…

– Я тоже слышал, лид. Еще он сломал себе обе руки и отрезал при падении по мизинцу на каждой ладони. И надо же ему было напороться языком на торчащее из земли лезвие… почти отрезал.

Команданте Оди. Я уловила завуалированную угрозу в адрес Кортеса Маруне?

– Иногда Каппа – настоящий провидец, – буркнул я.

Сведения о подобных умениях –

ложны или же основаны на заранее получаемой извне важной информации.

– Я пришел поговорить. О многом.

Дополнительное задание выдано. Проверь интерфейс, команданте Оди.

– Не, – покачал я головой и взмахнул рукой.

Клетку с резко притихшим плуксом, решившим перестать буянить, как только мы вошли в темноту, я бросил в неглубокую лужу. Там, где ее содержимое могли разглядеть глаза системы. За саму чешуйчатую тварь я особо не переживал – все равно уже подыхает. Внешне плукс этого никак не показывал, продолжая попытки выбраться. Да и как понять самочувствие безголовой твари с пастью на животе? Но я как-то почувствовал – пленнику осталось недолго. Час, может два. И он сначала свалится, а затем умрет. И ведь это не голод, не жажда. Хотя может и они – вот только плуксу требовалась не вода и не мясо, а нечто особенное и ранее уже мне встречавшееся.

– Брассарра и Даурра, – пробормотал я, пиная вяло задергавшуюся клетку носком ботинка. – Да?

Команданте Оди. Уточни. Внимание!

Из шара вырвался одинокий красный лазерный луч и уперся в клетку.

Это существо должно быть умерщвлено немедленно!

– Никаких дополнительных заданий пока, – на этот раз я покачал выставленным указательным пальцем.

Щелк.

О этот родной звук.

Щелк.

Поймавший две иглы плукс дернулся и упал, почти полностью погрузившись в воду. Крови не было – иглы игстрела редко вызывают обильное кровотечение. А система знала, куда бить – смерть живучей твари произошла почти мгновенно. Еще бы ей не знать – когда она сама и производила эти «тестовые образцы», чуть не эшелонами отправляя их по различным адресам.

– Плунарный ксарл, – задумчиво произнес я. – Искусственно созданный живой организм. Созданный тобой?

Ответа не последовало. А я не менее задумчиво задал следующий вопрос, глядя на то место, где из дна стального шара как-то проблемно показался и столь же медленно скрылся ствол игстрела:

– С каких пор управляющие производственными предприятиями вооружены игстрелами?

Информация закрыта для тебя. Причина – недостаточный внутренний статус.

– Кто-то установил пушку в твой глаз, – кивнул я. – Установил позднее. Уже в настоящие времена – после ликвидации фабрики.

Информация закрыта для тебя. Причина – недостаточный внутренний статус.

– Этот кто-то старался починить твой глаз. Я вижу клепанные заплаты, вижу перемотанные изолентой пучки проводов. Кто он?

Информация закрыта для тебя. Причина – недостаточный внутренний статус.

– Кто-то с нехилым показателем статуса ВестПик, да?

Предположение верно.

– Я тебе не мальчик на побегушках, – добавил я, глядя на умершего плукса.

Я не хотел его убивать так быстро. Была целая куча планов – вплоть до угрозы отпустить зверя, если система забыкует и вообще откажется от продуктивного диалога. Но потом я понял, что лишенный пуповины плукс умирает. Есть и польза – узнал кое-что о системном вооружении.

Я отношусь к тебе с уважением команданте-мерсенарио Оди.

И мое уважение растет.

Ты убедительно доказал свое соответствие имеющемуся ТИРу.

Я внесла дополнения в ТИР – положительные.

Твой внутренний статус ВестПик вырос на единицу.

Твои карьерные перспективы самые радужные, команданте-мерсенарио Оди.

Я не понимаю причин твоего недовольства. Оплата?

Из шара показался зеленый луч, что указал на один из проходов.

Там находится окно для получения ставок. Твой баланс…

– Баланс? В сраку его пока! – рявкнул я. – Система! Ты обещала! Где мои инъекции?

Ты не проверил раздел заданий, команданте-мерсенарио Оди.

Следующее задание – еще одно в череде тех, что позволит мне частично восстановить системы боевой защиты, расширит мой радиус обзора и контроля и, что в перспективе самое главное, обеспечит тебе и твоему отряду очередное повышение внутреннего статуса.

– Что мне даст еще одна единица внутреннего статуса?

Две единицы. Итого показатель внутреннего статуса будет равняться тройке.

– А начислить эти две единицы сразу – нет?

Невозможно.

– Я могу вообще хоть что-то у тебя узнать всего с одной единицей статуса ВестПик?

Почти ничего.

– Гребаные машинные законы, – проворчал я и шумно выдохнул, заставляя себя успокоиться.

С каких пор столько эмоций, гоблин? Дыши глубже и расслабься.

– Ладно. И что дадут три единицы внутреннего статуса?

Допуск к определенной информации.

Допуск к особому помещению в данном здании, команданте-мерсенарио Оди.

– Что в том помещении?

Информация закрыта для тебя. Причина – недостаточный внутренний статус.

– А, дерьмо! Ладно! Давай так – хочу повышения сразу на три единицы своего внутреннего статуса. Раз не можешь начислить эти единицы просто так – выдай еще одно задание с гарантированным повышением статуса!

Принято. Это возможно. Произвожу поиск.

Новое дополнительное задание будет выдано в течении десяти минут.

Напоминаю про возможность получения материального вознаграждения…

– Вот об этом и поговорим, – кивнул я. – Это дерьмо пора заканчивать.

Я не понимаю, команданте-мерсенарио Оди.

– С этими долбанными ставками, малыми и большими, ты вносишь охренеть сколько путаницы! Будь проще, машина! Ты должна вернуться к старой доброй системе, когда работники получали деньги, а не товары. Деньги!

Я не обладаю запасом наличных денежных средств.

Выдаваемые мной вознаграждения должны котироваться не только на территории ВестПик, иначе это будет являться обманом и социальным дисбалансом.

Выдаваемые мной товары широкого потребления могут быть проданы в других поселениях.

– Наличные средства? Я тебя им обеспечу, – широко улыбнулся я. – Я выдам тебе наличку, загрузим ее в твой ближайший приемник, а ты переведешь эту наличку на мой внутренний счет. Но это еще не все! Ущербность в том, что все здешние гоблины получают что-то просто так! День прошел – на счет капнула малая ставка. Нихрена не сделал – а ставка все равно упала… Ты делаешь их богаче, а они не делают для тебя ничего. И от этого все вокруг рушится. Если ничего не поменять – у тебя не будет будущего, система. Поэтому у меня к тебе очень интересное предложение, Управляющая. Предложение, что в разы увеличит

продуктивность каждого гоблина ВестПик. Выдаваемые тобой задания начнут выполняться…

Я слушаю, команданте-мерсенарио Оди…

?

Голос системы разлился в воздухе подобно сдобренной жгучим перцем патоке:

– Внимание! Внимание! Происходит тотальное изменение существующей денежной системы! Внимание! Внимание! Происходит тотальное изменение существующей системы вознаграждения! Прошу слушать внимательно! Ежедневные ставки отменяются для всех, кроме боевых подразделений и квалифицированных специалистов в любой сфере! Квалификацию необходимо доказать! Все выдаваемые задания становятся оплачиваемыми! Внимание! Каждое невыполнение задание по необоснованной и не веской причине ведет к накоплению штрафных баллов! Накопление больше двух штрафных баллов ведет к снижению награды за последующие задания! Внимание! Накопление больше пяти баллов ведет к лишению допуска к трехразовому питанию! Накопление больше десяти штрафных баллов ведет к изгнанию из ВестПик! Внимание! Такие понятия как «малая ставка» и «большая ставка» – отменяются! Им на смену приходит понятие «песо». С этого момента все расчеты ведутся в денежной валюте песо! Начисления происходят на индивидуальные внутренние счета с возможность обналичивания в любой момент! Также каждый из жителей и граждан ВестПик может в любой момент положить на свой счет имеющиеся наличные средства! Все текущие внутренние счета в ставках конвертируются в песо! Курс – один песо равен одной малой ставке. Два песо равны одной большой ставке. Курс не обсуждается и изменению не подлежит! Конвертация уже произведена! Внимание! С этого дня начинает функционировать магазин! Проверьте интерфейс – в нем появился новый раздел. Каждый может просмотреть каталог имеющихся товаров, совершить покупку и получить товар в раздаточном окне! Внимание! Повторяю все сообщение! Также прошу обратить внимание на экран, где все дублируется визуально! Происходит тотальное изменение существующей денежной системы…

– Мерде-е-е-е-е… – простонал упавший на колени дряхлый гоблин. – Тут точно замешан этот сукин сын Оди… чтоб ты сдох, бастардо!

– Смотри сам не помри, – усмехнулся я, едва не вызвав у деда сердечный приступ.

Над жилой зоной, в гробовом молчании охреневших бездельников, продолжала мурлыкать система:

– Ежедневные ставки отменяются для всех кроме боевых подразделений и квалифицированных специалистов в любой сфере! Квалификацию необходимо доказать!..

Навстречу мне шагнул Каппа, успевший переодеться в чистое и с явной гордостью указывающий на преобразившееся место выбранной нами стоянки:

– Гоблины трудятся с радостью, лид. Кроме одного – он пытается вытащить из языка зазубренный древесный шип. Сломанными руками это сделать тяжело…

Оглядевшись, я коротко кивнул, зная, что лучшая награда мечнику – обратить внимание на его достижения, но ни в коем случае пространно их не хвалить. Небрежный кивок сегуна – лучшая похвала самураю. Что-то такое он бормотал в ночи.

Но тут было за что похвалить. Весь мусор исчез, а под мусором я подразумевал толстый слой древесной хрени, состоящий из листьев, веточек, дерьма, косточек, панцирей насекомых, змеиных шкур и прочего дерьма, на которое столь богаты почти нетронутые гоблинскими лапами джунгли. От мусора был очищен идеальный квадрат, а оголившаяся земля была отлично утоптана. Несколько десятков крупных бетонных обломков и мешков с землей вокруг внедорожника образовали просторное гнездо для машины, достаточное как для ремонта, так и для укрытия. Пока бруствер был поднят всего на высоту колена, но я уверен, что очень скоро П-образная стенка солидно подрастет в высоту. Весь собранный мусор уже догорал – на специальном месте, что так же было огорожено каменной невысокой стенкой. На деревьях спилены низкие сухие ветви, на оставшихся сучках развешана постиранная одежда, четверо женщин в возрасте с усилием жмакают тряпки в превращенных в корыта железных баках. Над отдельным костром повис котелок, по воздуху плывет аромат кофе. Столы и лавки выстроены в четкую линию, на столешницах разложено все наше оружие, отдельный стол занимают патроны. Под вторым деревом поставлены принесенные откуда-то топчаны, над ними корпит еще один гоблин, старательно

скребя древесину лезвием ножа – видать, от въевшегося чужого жопного запаха очищает. Одеяла у нас свои – и свисают сейчас с натянутой между стволами веревки.

Камино продолжает спать, но при этом уже на другом месте и не столь мертвым сном. Бывшего советника Хорхе я видел мельком, когда топал сюда от храма – он вместе с толпой сидел у экрана, а теперь там же стоит, добавляя свой голос в общий хор недовольных голосов. Каппа вернулся к незаконченным личным делам – усевшись за стол, пододвинул к себе кружку кофе и принялся колдовать над распоротой разгрузкой.

А я… я проигнорировал стоящее в углу раскладное кресло с матерчатой спинкой и сиденьем – хрен вскочишь из такого при нужде – и уселся на короткую деревянную лавку. Пару минут слепо глядел на мерцающий вдали экран, заполненный танцующими улыбающимися человечками, что выполняли череду последовательных действий и становились счастливей прямо на глазах. Ранний подъем, короткий утренний ритуал и сразу же проверка интерфейса. Ба! А там новое задание от доброй системы! И ведь задание оплачиваемое! Человечек на экране начинает радостно подпрыгивать, а затем мчится убирать мусор, рубить дерево, копать землю. Едва закончил – вытянул нарисованные руки. И в его ладошки тут же упала пара блестящих монеток. Вот и награда. Приплясывая в обнимку с другими улыбающимися человечками, он спешит к большому зданию, над которым мигает яркая надпись «Смело трать деньги – завтра заработаешь еще!» Снова мигание и надпись сменяется: «Задания не кончатся никогда!» Еще мигание… «Пройди квалификацию – и получай высокооплачиваемые специальные задания!» Картинка сменилась чернотой, заполненной звоном монет, после чего проявилось короткое и торжествующее «ВестПик – защита и стабильная оплата!»

– А может, и к лучшему, – вполголоса заметила одна из нанятых прачек. – Бездельников меньше станет. Мой почаще задания выполнять начнет…

– Ну да. Что мой, что твой – те же бездельники… – согласилась вторая. – Мы, говорит, с каторги трудовой сбежали не ради того, чтобы здесь спины гнуть…

– А если я работать вот-вот уже и не смогу?! – провопил тот самый недавний старик, умоляюще вытягивая руки к экрану. – У меня две грыжи! Согнуться, считай, не могу! С каждым днем слабею! Только на ставку ежедневную и надеялся! Погубили! Погубили всех стариков, суки! Твари! Убили нас! Убили

стариков!

– Верно старый Моралкас плачет, – снова вздохнула первая прачка, с такой силой выжимая мою футболку, что матеря затрещала. – Калеки наши помрут ведь… и старики вымрут.

– Так ведь Мать их кормить будет…

– А про штрафные баллы не слыхала, что ли? Матушка вон как сурово завернула. Кто не работает – тот не ест.

– Ну может, как первые два-три старика помрут – Мать и спохватится? Поймет, что переборщила.

– А может не быть! Опять же вон и безрукие у нас есть. И пара лежачих с внутренними болячками. Если они без порций ежедневных останутся – живо помрут.

– Да уж… о них Матери заботу проявить надо бы… иначе кто…

Я издевательски рассмеялся. Прачки деланно испуганно вздрогнули, хотя они не могли не понимать, что я слышу их тихий разговор.

– Кто позаботится о немощных? – повторил я их слова. – А вы на что? Какие добрые бабы… Парочка, мол, стариков и калек пусть сдохнет с голоду, а там система и прочухается, вернет им ставку… Все у вас, сука, только через голод, грязь, боль и смерть получается! Все через жопу! Пусть старики подыхают – но их таа-а-ак жалко… Да? Но раз вы такие жалостливые – почему сами о стариках позаботиться не можете? Сколько тут тех, кто реально требует опеки и заботы? Десять? Пятнадцать? И это на почти триста работоспособных гоблинов ВестПик… Так тяжело с ложки накормить того, кто уже не может работать? Так тяжело выплеснуть ведро со стариковским говном?

– Сеньор… да мы так… бабский разговор…

– Все вы умеете осуждать. И все вы умеете жалеть – но на расстоянии. Ах, бедный старик… ах, бедный калека. Но сами на помощь не спешите. Проходите

мимо, да? Зато не забываете осудить других, да?

– Да мы так просто… вы не сердитесь, сеньор. Да мы и так заботимся… они ведь свое уже отработали. Благородные седины заслужили.

– В сединах нет благородности, дуры, – буркнул я. – Не в этом мире. Не в этой красивой первозданной жопе. Здесь седина означает приближение трудных времен – скорый приход слабости, а затем и немощности. Быстро проестся заработанное в прошлые годы, продастся последнее, затем потеряешь собственный угол, сколько-то еще протянешь на улице, а потом либо сдохнешь от грязи, голода и болячек, либо станешь кормом для дивинуса, что придет в селение – кто пустит никчемного грязного старика на порог? Старость – синоним смерти.

– Страшные вы вещи говорите… в стариках все благородства и мудрость мира!

– Которые никому не нужны. Дробовик и горсть песо – вот ценности этого мира. А благородство… в жопу благородство!

– А зачем же тогда заботится о стариках? Раз нет в этом ничего, кроме ненужного благородства! – с плеском бросив уже выжатую футболку обратно в едва мыльную серую от грязи воду, прачка встала, уперла руки в пышные бока. – Уж простите, сеньор – не испугаюсь! Но лжи терпеть не могу! Я вот пусть немного – но о старичках наших думаю! И сеньора Мокса Куидди думает о них – многие к ней ушли и живут не бедствуют! Каждый день вкусности едят – разве что самим жевать приходится, вот и все их старания! И стариковские калачики туалетные благоуханные есть кому в отхожее место отнести, коли они сами не в состоянии! И я порой помои их выплескиваю! И почему? Отвечу – из доброты! А разве доброта и не есть благородство?! Да не будь доброты в этом мире – для чего сама жизнь нужна?!

– А для чего обезьяны живут? – кивнул я в сторону внешней стены, за которой шумело обезьянье племя.

– Это не ответ!

– Ответ? Я отвечу, – кивнул я. – Потому что обычные гоблины вроде вас никогда не должны забывать про сраный вечный круговорот жизни. Сегодня вы молоды –

они стары. Вы постарели – а они уже сдохли. Вам подыхать – новые родились и уже ходят. Молодые должны помогать старым по очень простой причине – как ты жопой не крути, но однажды придет время, когда и тебе понадобится помощь молодых. Это неизбежно. И если будешь помнить об этом – будешь и помогать! Но не надо мнить себя благородным. Это не благородство. Это инвестиция в свое сраное стариковское будущее.

– Обычные? Мы, может, и обычные… а вы, сеньор… не обычный человек?

– Я? Таким, как я, о старости можно не заботиться – мы до нее не доживаем, – рассмеялся я, с удивлением прислушиваясь к себе и заставляя разжаться тугую пружину внезапно подступившего гнева.

Какого хрена? Еще позавчера я бы даже не обратил внимания на их тупую и пустую болтовню. Ничего не делают, ничего не решают, просто чешут языками. Ушами бы услышал, а до сознания это дерьмо и не добралось бы, потерявшись где-нибудь в предмозговом фильтре, что обычно исправно отсеивает все подобное. А сейчас меня вон как озлило…

Да. Я разозлился.

Испустив долгий вдох, зыркнул на открывшую было рот женщину и та, поняв, что разговор закончился, отвернулась и о чем-то забубнила с подругой. Стирка возобновилась. По воздух плыл слабый цветочный аромат.

– Каппа!

– Да?

– Закончил?

– Да.

– Топай к системе. К главному глазу. Отдай ей половину всей нашей налички. Она знает. Уточни, что две трети от суммы уйдет на мой личный внутренний счет. Еще треть – тебе.

– Хорошо.

– И напомни Управляющей – создать магазин надо как можно скорее. И с таким товаром, который гоблины захотят покупать.

– Да.

– Выполняй.

Бесшумно поднявшись, мечник сгреб и прикрыл свое аккуратно разложенное барахло разгрузкой и убежал к внедорожнику, от которого тянулся провод к выставленной на солнце солнечной панели. А я заглянул в интерфейс. Система ведет нас к повышению внутреннего статуса. И наверное это первый раз, когда я не испытал ни малейшего внутреннего сопротивления, вызванного приказами машины – я и сам хотел выполнить ее задания как можно скорее, чтобы быстрее получить свои инъекции. Знать бы еще, что придумала эта железяка…

Задание: Патруль. (Дополнительное)

Описание: проверить периметр на наличие угроз с участка 873 по участок 905.

На участке 905 проверить состояние внутристенного арсенально-технического помещения ПМХР-48.

(Оценить сохранность помещения и возможность доступа внутрь, проверка наличия точек АСАЗ в любом состоянии)

После получения достоверной информации немедленный и подробный вербальный доклад с помощью передатчика (предварительно синхронизировать канал связи).

Время выполнения: До вечернего сигнала окончания работ.

Награда: 6 песо. (награда уменьшена вдвое) (нажать для получения подробностей)

Дополнительно: за успешно выполненное задание, за проявленное трудолюбие, расторопность и готовность к дополнительным усилиям есть невысокая вероятность повышения статуса (внутреннего).

Про уменьшение награды я знал – сам сказал так сделать. У нас мало налички, и пока система выплачивает нам только половину, остальное записывая на будущее – отдаст, когда ситуация с финансовой чертовой реформой стабилизируется.

ПМХР?

Я знаю, что это такое. Достаточно большое и чаще всего утопленное в земле помещение, снабженное автоматизированными погрузчиками вроде манипуляторов и транспортными лентами. Там же обычно есть терминал. Помещение служит для одной цели – пополнение боеприпасов и доставка быстро заменяемых модулей к находящимся поблизости точкам АСАЗ – Автоматизированным Системам Активной Защиты. Попросту говоря – турелям, что уничтожат любого, кто приблизится слишком близко и не пройдет проверку свой-чужой.

А еще я знал, что такие помещения, как арсенально-технические ПМХР, всегда оснащены собственными системами защиты – как пассивными, так и активными. И вопрос один – а снабжено ли одно из хранилищ периметра энергией? Если туда поступает питание…

– Невысокая вероятность повышения статуса, – пробормотал я. – Да ты, сука, охренела…

Глава третья

– Красиво? – этот вопрос терпеливый Каппа задал, когда понял, что я реально «залип», глядя с высоты стены на расстилающиеся в низине джунгли, тянущиеся сплошным зеленым ковром до горизонта.

– Красиво, – признал я. – Но дело не в красоте, гоблин. Дело в силе…

– И в чем сила, лид?

– В данном обещании самому себе, – ответил я, по-прежнему не отрывая взгляд от бесконечного здорового тропического леса. – В выполненном обещании. Он сказал… он сделал. Точка.

– Он?

– Первый. Самый первый. С чьей жалкой цифровой копией мы столкнулись там – в гребаной Башне на окраине Мира Монстров. Я вспомнил. Кое-что, но вспомнил. Знаешь, я всегда был свободен. Никогда ни на кого не работал. В том числе и на государственную систему. Тебе не понять.

– Мне не понять, – кивнул Каппа, усаживаясь на нагретый солнцем камень стены и вытягивая ноги.

Опытный боец знает главные правила бытия – если есть возможность сесть – сядь, не стой, если есть возможность лечь – ложись, какого хрена ты сидишь? Это выполняется автоматически – вечно усталый от тренировок и боевой жизни организм требует отдыха, стараясь урвать даже лишнюю секунду.

– Он был первым, за кем я решил последовать, – добавил я, продолжая смотреть в джунгли. – И ведь он с самого начала не скрывал своих намерений. Он четко заявил, чего хочет – моей работы на него и только на него. Я просто рассмеялся. А спустя время… понял, что уже работаю на него. Выполняю порой то, что выполнить невозможно. И все ради озвученной им великой цели. Ради данного им обещания.

– Обещания?

– Обещания спасти этот несчастный мир, – я кивнул на джунгли перед нами. – В те годы, когда все только начиналось, джунглей уже не было. Так… мелкие разрозненные клочки умирающих лесов, а между ними сотни километров мертвой пустоши, истощенной слишком сильными ядами и удобрениями, залитой дождевой водой, что уже дарила не жизнь, а шипящую кислотную смерть для всего живого. В те годы уже никто не верил. А он взялся за дело. Еще не было Атолла Жизни. Этой корпорации не существовало. Вовсю строились космические орбитальные жилые комплексы для элиты. Десятки

государственных и корпорационных кораблей отправились во все стороны – Луна, Марс, астероидные скопления, спутники Юпитера и Сатурна. Ты помнишь про Европу? Спутник Юпитера…

– И Ганимед, – это произнес не Каппа, а Хорхе, неожиданно эмоционально ткнув в чистое синее небо над нашими головами. – Мне снятся сны!

– Заткнись, – велел Каппа.

– Ганимед, – кивнул я. – Да. Им удалось зацепиться за Ганимед. И они действительно нашли на нем воду. И чем больше успешных космических, мать их, начинаний удавалось, тем сильнее гребаные телевизионные оракулы начинали напирать на тот факт, что это, мол, обычное дело – гибель материнского мира в кислотной агонии. Что уж, мол, поделать. Земля погибнет. Но при этом человечество выживет – в ближнем космосе, в пределах Солнечной Системы. Главное – продержаться до тех пор, пока не появятся настолько большие колонизационные корабли, что смогут брать на борт до ста или даже двухсот тысяч переселенцев одновременно. Многоразовые колониальные корабли-гиганты, что монструозными челноками будут сновать между Землей и ее зарождающимися колониями, увозя счастливчиков с умирающей планеты. С экранов было заявлено четко и ясно – все выживут! Всех вывезут! И это привело к ускорению коллапса… Обрадованные ложными экранными мессиями гоблины начали срать, жрать и плодиться в утроенных количествах. И мир вокруг задрожал… Вот тогда-то все и началось.

– Спасибо что делишься, лид.

– Я это рассказываю, как гарантию, – ответил я, не глядя на бойцов. – Если мне опять выжгут память… возможно, ты сохранишь часть моих воспоминаний. И расскажешь мне.

– Да, лид.

– Он, создатель, управляющий и бог Атолла Жизни, дал обещание спасти планету любой ценой. Дал слово возродить ее к жизни. Такое обещание до него давали многие сраные лидеры. Это всегда было их предвыборным обещанием – мы улучшим экологию! Мы сократим вредные выбросы! Мы накажем виновников всех техногенных катастроф! Ложь! Они не сделали ни хрена! Но их можно

понять – ведь у них в приоритетах было спасение не планеты, а жизней гоблинов. А вот он… Первый… он понял, что нет смысла беспокоиться о тех, чья численность приближается к десяти миллиардам. Такое количество тараканов не так-то и легко прикончить. Но постараться надо – не сократив поголовье вредителей планету не спасти. И все завертелось… Я начинаю вспоминать многое…

– Ты был причастен к великим делам, лид.

– Я смутно помню его лицо – обычное лицо… – но я помню его слова, брошенные однажды. Мы стояли с ним на выдвижной решетчатой панели гондолы спустившегося дирижабля и смотрели на мертвые земли, омываемые желто-зеленым вонючим океаном. У побережья была гигантская дыра – метеоритный кратер, частично залитый водой. А вокруг пустоши… И вот тогда он и сказал, указывая рукой вниз – здесь снова будут джунгли. Здоровые джунгли. Так и сказал. Вот пролетело хрен его знает сколько лет. Глядя со стены в любую сторону, Каппа… что ты видишь?

– Джунгли, лид. Я вижу здоровые джунгли.

– А миллиарды гоблинов?

– Их нет.

– Да, – кивнул я, опускаясь на одно колено и снимая с пояса флягу с теплой чуть подсоленной водой. – Их нет. А джунгли – вот они.

– Он сдержал слово.

– Он сдержал каждое свое слово. Кроме последнего. Он обещал, что когда планета снова станет прежней, здоровой, очищенной от яда, полной жизни, с восстановленным многообразием флоры и фауны – он вернет в нее гоблинов. Вернет разом. Но этого не случилось.

– Люди тут есть, лид.

– Нет, – я покачал головой. – Тут есть те, кто тяжелыми молотами продолжает ломать и дробить оставшиеся осколки прошлого. И все.

– А бродячие племена?

– Ты еще не понял? Их загнали в особые рамки, – зло усмехнулся я. – Они выполняют роль своих далеких-далеких предков-собирателей. Как там их классифицируют в забытой нами древней истории? Гоблин умелый?

– Человек умелый, – снова подал голос Хорхе, слушающий меня крайне внимательно. – Хомо Хабилис.

– Здешние бродячие племена… мы видели их скарб, их вооружение, их быт. Они почти не готовят пищи на огне. Они нигде не задерживаются. Они живут собирательством и мелкой охотой. Жрут плоды, корни, насекомых, убивают крыс и мелких свиней. Эти бродячие племена вошли в свою биологическую нишу – их туда втиснули. И это пошло на пользу природе… Уверен, что попытайся они осесть… да вы и сами знаете, что произойдет, когда бродячее племя, устав жрать тараканов, мокриц и подгнившие фрукты, вдруг решает осесть где-нибудь в заброшенном городе. Да, Хорхе?

– Знаем, – с тяжелым вздохом кивнул бывший консильери. – По их души явится системный силенсиозо ассасин.

– Да не особо он молчаливый, – рассмеялся я, закрывая флягу. – Да. Система не любит, когда вонючие гоблины вдруг пытаются сами решать свою судьбу. Бродячие должны бродить. Ломающие бетон – должны ломать бетон. Никакого размножения – за редким исключением. Никаких посягательств на святую природу. Раньше весь мир жил на благо гоблинов. А теперь все наоборот. Каппа…

– Да, лид?

– Если вспомнишь что-то из старых времен – что-то связное и полезное, а не просто личное – сразу рассказывай.

– Да, лид.

– Тебя это тоже касается, Хорхе.

– Да, босс!

– Что мы имеем, бойцы? – встряхнув головой, я поднялся на ноги и ткнул рукой в колоссальный Олимп на туманном от джунглевых испарений горизонте. – У нас есть раздутый, вздувшийся и готовящийся смачно так лопнуть гнойник. И заразы в этом гнойнике столько, что она быстро захлестнет здесь все вокруг. После чего сюда явятся силы глобальной системы и начнется массовое выпиливание выбравшихся наружу гоблинов.

– Олимп лопнет? – Каппа задумчиво смерил гигантскую гору долгим взглядом. – Это произойдет. Да. Но нескоро.

– Нескоро, – кивнул я. – Если не случится какого-то форсмажора. Но нам туда надо. Там мое мясо. Обученное, ждущее драки мясо. Там наша техника, оружие, боеприпасы. Все это можно раздобыть и здесь, но все же…

– Все это можно раздобыть и здесь, – повторил мои слова мечник. – Может, ты просто хочешь увидеть наших?

– А хрен его знает, – откровенно признался я и стукнул себя ладонью по шлему. – После той заварушки в операционной многое перемешалось и пока не вернулось на место. Давай по фактам, Каппа. Что мы имеем под землей? В тех транспортных артериях.

– Одна из них точно шла к Франциску II. Вторая тянулась к Формозу – и тянулась в ту сторону. Ведущие к Формозу стальные ворота заблокированы, что с коридором за ними – неизвестно. – перед тем как начать доклад Каппа подскочил и вытянулся, но я злым жестом заставил его вернуть жопу на теплый камень старой стены. – Проход, ведущий в сторону Олимпа, обрушен. Там сдетонировало немало взрывчатки. Смысла в раскопках не вижу.

– Как и я, – кивнул я, вспомнив тонны сдавленной земли. – Нет смысла копать километры и километры, если раскопки можно начать рядом с Олимпом. Формоз…

– Тот проход также наверняка завален.

– Зато мы знаем, где этот проход кончается, – я повернулся к тому участку джунглей, на который смотрел в самом начале этой беседы после почти завершенного патруля. – Там река. Большая река.

– Рио Рохо, – на этот раз поднялся Хорхе. – Да, лид. Там широкая река с красноватой мутной водой. Течение медленное. Река глубокая. Прямо глубокая.

– Продолжай.

– Берега почти непроходимые – джунгли, речные заросли. Там хаос. Но если двигаться водой – пройти можно по почти всей протяженности реки.

– Сведения точные?

– Да, лид. Там обитают речные бродячие племена. Тут в ВестПике есть несколько выходцев из тех племен. Они и рассказали. Я люблю разговаривать и умею слушать.

– Что еще узнал? Что-нибудь слышал про большой речной порт? Вряд ли он скрыт целиком. Скорее, замаскирован под что-то обычное, но с тайным подводным подходом. Нет смысла копать подземные проходы, если груз не тайный. Проще отправить все беспилотниками или автопоездом.

– Там много руин. И туда не суются. Мать не любит. Один раз увидит слишком близко от любых развалин…

– И тебя сожрет боевая пантера.

– Или водная лошадь. Или обезьяна. Да, лид. Там много наказаний. И речные люди боятся. Но руин на берегах хватает. А вон там, – Хорхе указал как раз на тот участок джунглей вдали, под которыми должен был проходить виденный нами подземный проход, – там большие бетонные руины. Разваленные. Про них говорили много, хотя я не спрашивал.

– Почему?

– Потому что там живет дракон, – изумленно квакнул Хорхе. – На участке джунглей вокруг тех руин. И речные люди, проплывая на своих плотах и островах мимо, стараются держаться вплотную к противоположному берегу. Дракон злой. И любит жрать людей.

– Охренеть, – рассмеялся я. – Просто охренеть. Как он выглядит?

– Не знают, лид. Но его часто слышат – он ревет. И он такой сильный, что легко валит огромные больные деревья.

– Ладно… – кивнул я. – Ладно… Похоже, мы только что определились, чем займемся во время отпуска.

– Мы следуем за тобой, лид, – торжественно кивнул Каппа.

Поморщившись как от зубной боли, я тяжко вздохнул:

– И в Чикурин тоже бы заглянуть надо. Информация. Нам нужно больше информации. Хорхе. Активизируй свою говорливую жопу. Общайся дни напролет. Угощай всех мескалем. Собирай их сраные легенды, выдумки, россказни, слухи.

– Сделаю с радостью, лид. Вечером и займусь.

– Поздним вечером, – поправил его я, глядя со стены вниз, где рядом со следовавшим за нами внедорожником терпеливо дожидался Камино.

Я не собирался оставлять машину с экзами без присмотра. Пусть система получила там глаза… этого мало, чтобы я доверил Ночную Гадюку ее присмотру. Равно как Глефу и самое ценное из нашего имущества. Хотя бы потому, что обозленная моим сопротивлениям та, другая система могла нанести удар в любой момент.

– Вечером нас ждет хорошая такая тренировка, – добавил я. – Готовьтесь, гоблины. Мало никому не покажется.

– Можно вопрос, лид?

– Спрашивай, Каппа.

– Зачем нам Формоз?

– Наш нужны точные координаты каждого из этих мирков-опухолей, – ответил я и взглянул вверх. – А еще нам нужен летающий транспорт. Формоз… если к нему ведет водная дорога, то есть шанс, что этот мир где-то неподалеку в океане.

– И что это нам дает?

– А то, что помню я далеко не все, но кое в чем уже уверен – все это дерьмо началось в океане. Весь Атолл Жизни был создан на настоящем умирающем атолле, что находился где-то в теплых водах неподалеку от побережья. Это сердце. Место, которое обладает особой важностью для Первого.

– Такое место не оставят без присмотра…

– Верно. Оно особо важно для него. Критично важно.

– Почему?

– Потому что там находится могила единственного человека, которого он по-настоящему любил – его дочери, – ответил я. – Он точно не оставит это место без своего присмотра.

– Если он еще жив…

– Вот и узнаем, – усмехнулся я. – Вот и узнаем. Ладно! К делу! Хорхе, подводи внедорожник ближе. А мы с Каппой попробуем сунуться внутрь…

Сам патруль прошел лениво. Мы спокойно преодолели часть периметра территории ВестПик, заодно чуток очистив дорогу, чтобы в следующий раз было легче продвигаться. Достигнув нужной точки, чуть осмотрелись, оценили увиденное и решили немного отдохнуть. Во время отдыха я и «залип» взглядом на джунглях, а мозгом в воспоминаниях.

– Там должно быть все уничтожено, – заметил Каппа, первым оказавшийся на земле у внутренней стороны защитной стены.

– Не факт, – покачал я головой. – Здешняя Управляющая не могла не знать, что однажды ее вежливо попросят взорвать собственную жопу. И она готовилась к выживанию, спасая то, что могла бы спасти без нарушения приказа.

– Она разумна?

– Вряд ли. Скорее, она считает себя ценной, – ответил я. – Ее накопленные знания, умения – все это считается ей настолько ценным, что вполне достойно спасения. Увидела лазейку спастись – и спаслась. Теперь пытается хотя бы частично вернуть периферию. А мы ей в этом помогаем – первые реально деятельные гоблины, что встретились ей за годы. Странно, да? Она считает себя ценной, потому что обладает полезными навыками и знаниями. А гоблины? Они считают себя ценными просто так – ну я же живой! Значит, я ценный! Пусть у меня нет цели в жизни, и вообще я ленивая гнилая жопа – но я же живой! А значит ценный! Дерьмо! Я иду первым, Каппа. Не суйся!

– Твоя жизнь ценнее…

– У тебя есть навыки по проникновению в помещения, оснащенные АЗАС?

– Вряд ли, лид.

– Вот и не суйся, – проворчал я, останавливаясь в полушаге от найденной нами двери, представляющей собой очередное творение из железобетона.

– Приказ понят. Осторожней, лид.

– Ага…

– Могу говорить?

– Говори, – кивнул я, опускаясь на корточки и прислушиваясь к происходящему за частично сдвинутой мощной дверью.

Эту дверь, также как и те ворота, что прикрывают проход к текущему главному оку здешней системы – помятому стальному шару, модифицированному неизвестным умельцем – намеренно оставили полуоткрытой. Уверен в этом на все сто процентов. И уверен по очень простой причине – если стремишься качественно взорвать внутреннее помещение, не допустив «убегания» взрывной волны, ты тщательно закрываешь все двери на замок. Объемный взрыв не теряет в мощности и устремляется во все стороны с равной силой, выпучивая и дробя стены, подбрасывая и роняя обратно крышу. Помещение складывается как смятая картонка. Если и не сложилось при взрыве из-за особой прочности – хрен ты потом откроешь двери из-за перекошенных стальных косяков. Дверь становится частью стены – особенно если она такого типа, как здесь. Массивная дурища, что сначала выходит наружу, а потом чуть сдвигается вдоль стены. Само собой, ее двигает автоматика – которую тоже уничтожит беспощадный взрыв.

Ничего не забывающая компьютерная система не могла «забыть» закрыть дверь. Это было проделано намеренно – умная Управляющая понимала, как важно оставить доступ к месту, где хранятся ее острые запасные зубы и зоркие глаза. А раз так – тут точно что-то есть. И речь не только о содержимом складских полок.

– Я был полицейским, – сказал мне Каппа, опускаясь рядом и с легким стуком ударяясь затылком шлема о стену.

– В прошлый раз ты говорил иначе, – заметил я, продолжая вслушиваться в пыльную темноту за приоткрытой створкой.

– Лид… – встрял робко Хорхе, но поймал короткий взгляд мечника и тут же замолк, понятливо кивая.

– В прошлый раз я говорил, что служил в Дальнем Патруле Атолла, – напомнил азиат. – А перед этим служил в полиции – откуда и был приглашен в ДПА.

– Ты помнишь, чем вы там занимались?

– Всем. Включая полицейские функции. Нас перебрасывали из одной точки в другую. И каждый день приходилось стрелять.

– Да, – кивнул я. – ДПА всегда разгребало самую вонючую грязь. Но ты говорил про службу в полиции. Где?

– Не помню точно. Но это было трехбашенный конгломерат. По сто тысяч жителей в каждой башне по официальной статистике. Не считая вечно плавающих у подножия жилых барж, списанных кораблей и уймы плотов. Не считая условно-законно причаленных к вершинам башен списанных дирижаблей, что еще кое-как держались в воздухе. Это было почти самое дно. Почти никакой работы, тяжелая криминогенная обстановка, как говорили в те годы. Проще говоря – бандиты повсюду и делают что хотят. Так было до тех пор, пока не появился новый босс. Шеф полиции.

– Его имя?

– Ее. Не помню.

– И снова женщины у руля, – кивнул я. Подхватив горсть мелкой пыли, швырнул в темноту за дверью.

Ничего не произошло. Я кивнул Хорхе и тот потянул за веревку, таща к себе клетку с трупом плукса.

– Женщина у руля, – согласился Каппа. – Мы были против.

– Ну еще бы.

– А потом она вошла в душевую и отхерачила одного из лейтенантов. Отхерачила так жестоко, что и не описать. И… ей явно нравился процесс, лид. Я бы сказал, что она очень была похожа на тебя. Женская версия.

– Ты мне льстишь, – хмыкнул я, принимая клетку от внимательно слушающего Хорхе и запуская руку внутрь.

– После этого все… недоразумения закончились. Даже тот лейтенант, когда наконец смог заговорить и срать без крови, признал, что баба она крутая.

– Давай к сути.

– Она оказалась сторонником Атолла Жизни, лид. Как явным, так и тайным. И она была из FHEMT. Но это я узнал уже гораздо позднее – когда во время частной встречи в баре получил от нее предложение чуть изменить свое отношение к тем, кого мы арестовываем каждый день.

– Ты меня заинтересовал, – признался я. – И?

– Узнав суть, я потратил два дня на тщательное обдумывание и медитацию. После чего согласился с этим предложением без малейших сомнений.

– Ага… повторюсь – и?

– И? – едва слышно повторил подавшийся вперед Хорхе.

– Существовал особый протокол при задержании. Негласный протокол. Он был прост – выруби ушлепка сразу же. Потом уже обыскивай, заковывай в наручники, тащи в камеру и бери анализы на наркоту, алкоголь, мутагены и прочее. Иногда обходились без вырубания, если арестованный вел себя смирно. Но анализы мы брали всегда. Делалось это просто – на руку или другую не слишком гнилую часть тела нашлепывалось специальное устройство, что автоматически определяло нахождение вены, брало кровь… Я получил от шефа полиции чуть модернизированную версию этого устройства – вполне сертифицированную в нашей базе. Что не проблема сделать, когда ты шеф полиции…

– И что делало устройство?

– Укол, – ответил мечник. – Оно делало укол специального средства, что минимум на десять лет делало ушлепка стерильным. Неважно, мужчина ты или женщина, укол все равно делался – соответствующего типа. Судьей был я. Я решал. Глядел на арестованного, проверял его досье, оценивал, как он себя ведет… и принимал решение, что за устройство прижимать к его руке.

– И сколько таких уколов ты шарахнул?

– Тысячи, – бесстрастно произнес Каппа.

– Ну ты прямо великий кастратор…

– Конгломерат умирал от перенаселенности, болезней, голода и преступлений. Новые дети рождались постоянно и тут же подбрасывались под двери переполненных приютов и церквей – это в лучшем случае. Еще чаще их просто выбрасывали в окно – в долгий полет в бездну, в океан или на палубу баржи… Там случались вещи и похуже – вроде сдачи новорожденных в рестораны с экзотической кухней. Если живешь в мерзотном месте… зачем поставлять туда детей? Я не жалел о содеянном. Не жалею и сейчас – вспомнив об этом недавно. Случись мне снова принимать решение – я бы поступил точно также.

– Шеф полиции и сторонник Атолла Жизни. Интересное сочетание. И ты сказал, она еще была из…

– Тайная организация FHEMT.

– И что означают эти веселые буквы?

– В девяностые годы двадцать века появилось движение VHEMT. Название было сокращением от «Движение за добровольное вымирание человечества». Voluntary Human Extinction Movement. Его члены добровольно отказывались от продолжения своего рода. Позднее, когда начался коллапс, когда перенаселение достигло критической точки…

– Ты вспомнил слишком много, Каппа…

– Когда начался коллапс… либо это движение мутировало, либо умерло, а вместо него появилось FHEMT. Forced Human Extinction Movement. Движение за принудительное вымирание человечества.

– Тайная стерилизация подонков всех мастей?

– Как начало – да. Позднее шеф нашла еще нескольких последователей как в полиции, так и в медицинских социальных учреждениях. Очень многие стали получать особые прививки. Многофункциональные…

– От гриппа и от детей?

– В точку. Все было поставлено на поток.

– Умная. И она была сторонником Атолла Жизни.

– Рьяным фанатиком. И она умела убеждать. Она же позднее дала мне рекомендацию для вступления в ДПА. Благодаря ей я смог перевезти семью в более благополучное место.

– Неплохая сделка – стерилизовал десяток тысяч ушлепков и получил для себя и семьи путевку в новую жизнь.

– Ты осуждаешь?

– Не-а. Мне посрать. Я сам работал на Атолл. И делал столько всего… разного… что твои уколы – не больше чем детские игры. Единственное, чего я не понимаю – на кой хрен ты мне это рассказываешь?

– Я просто понял, к насколько глобальному плану мы были причастны…

– Да плевать, что было. Главное – разобраться с тем, что происходит прямо сейчас.

– А еще – если мне вдруг опять сотрут память – ты расскажешь мне о моих воспоминаниях.

– Уел, – признался я и резким движением швырнул в щель привязанного к веревке плукса. – Уел…

Секунда… еще… и раздался тихий знакомый стрекот. Вытащив веревку, я уставился на дохлятину, пробитую тремя длинными иглами. АСАЗ в наличии и функционируют. Взяв паузу, я поднес к губам передатчик:

– Система.

– На связи.

– Обнаружен АСАЗ. Функционирующий. Запрос в следующем – какого он типа? Каким вооружением располагает?

– Информация закрыта для тебя. Причина – недостаточный внутренний статус.

– Ну да… – буркнул я и покосился на внедорожник, где только и ждали своего часа боевые экзоскелеты.

Но я остался на месте и снова швырнул внутрь дохлого плукса, предварительно вырвав из него иглы – каждая длиной в мою ладонь. Прочная гибкая сталь. В целом – иглы не проблема. А вот если в арсенале АЗАС есть что-то помощнее – нам может не поздоровиться.

Пока скрытая внутри хищная железяка выплевывала из себя острую сталь, я вспоминал о куцем рассказе Хорхе. Этот говорливый проныра быстро сообразил главную свою для меня ценность, а сообразив, начал с ражем запасться информацией впрок, с готовностью впитывая в себя любое словесное дерьмо. С его логикой я был полностью согласен – никогда не знаешь, когда припасенная карта выстрелит. Хотя терпеливо слушать и впитывать в себя беспрестанно льющийся из вонючих пастей словесный понос… на это способен далеко не каждый. Хорхе же это дерьмо было в кайф. И он с удовольствием порадовал нас простой и ожидаемой историей о попытке выполнить еще одно задание здешней системы.

Здесь случилось всего две смерти. Погибла двойка бойцов, что были посланы системой сюда с целью разведки. Они разгребли завалы вокруг щели, открыли доступ внутрь, после чего туда нырнула девушка – более быстрая и юркая. Она погибла мгновенно. В этот момент придурку бы уйти. Но он полез следом – и упокоился там же. Разлившаяся в следующие дни по округе вонь тухлятины привлекла сюда множество падальщиков. Скрытая в потемках механическая тварь уничтожила и все лакомое до подтухшей «свининки» зверье. Им на смену пришли зверьки поменьше, а самыми первыми, конечно, были насекомые. Второй эшелон мясоедов АСАЗ трогать не стал, хотя, по утверждению трусливых и глазастых гоблинов, несколько особо крупных мокриц не выползло обратно. Трупы были сожраны быстро. Дня через три здесь снова пахло орхидеями и пылью.

Все. Конец романтической истории.

С тех пор сюда никто не совался. Система регулярно напоминала гоблинам о своей мечте, но здешние жители, как могли, вертели жопами, увиливая от

смертельного задания. Позднее же задание выдаваться перестало – благодаря смотрительнице кладбища, что вдумчиво побеседовала с Управляющей, пояснив, что аборигены с дубинами и мачете не самый лучший вариант для деактивации беспощадных АЗАС. И вроде как эта Дырявая пообещала, что, мол, однажды, дай только годик или два, она лично разберется со всеми железными врагами и выполнит это важное задание.

Ну да…

Она пообещала – а выполнять нам.

Синий свет…

Я беззвучно рассмеялся, покачал головой в насмешливом изумлении. Тупые здешние ушлепки даже не представляют себе, насколько им, сука, повезло! Попади они в гребаный Зомбилэнд с неотменяемым заданием «Синий свет»… Хрен их кто слушать будет. Система Франциска, Мать Его, Второго куда безжалостней. Она беспощадна к трусливым мудакам.

В общем все, как всегда.

Разгребать нам. И что полезного от предыдущих попыток мы имеем? Да почти ничего. Нам в «наследство» остались кое-как очищенный пятачок перед входом и сколько-то костей внутри от предыдущих дебилов. При этом камни и мертвые корни были убраны так хреново, что лучше бы нихрена не делали. Насколько густой стальной частокол за мертвой дверью, никто не знает. Пока что…

Взглянув на опять продырявленного плукса, я задумчиво хмыкнул – у нас есть шанс. Я еще не понял, что за хищная машина спрятана в темноте, но уже ясно, что мозги у нее примитивные. Раз Управляющая не выдала нам никаких кодов или чипов, значит, здешний АЗАС получил свой последний приказ стоять насмерть. В буквальном смысле слова. При подтвержденной самоликвидации все защитные системы объекта всегда переводятся в режим, который лучше всего назвать как «мочи всех без разбора!» И это тоже, сука, логично. Ведь если подобный объект уничтожается, значит, есть на то крайне весомая причина. Здешний уцелевший АЗАС будет стоять насмерть, и ему плевать на то, что ты там хрипишь, показываешь жестами или световыми сигналами. Последний приказ отмене не подлежит.

– Понял, лид, – кивнул Каппа, и тут я осознал, что последние свои мысли высказал вслух, превратив ленивые размышления в лекцию для своих гоблинов.

– Ценная информация, сеньор, – поддержал его слушающий во все уши Хорхе.

– Охренеть, – тихо рассмеялся я. – Старею? Мозги без уколов разжижаются и вытекают? Так… ну-ка, еще раз.

На этот раз плукс вылез с тем же результатом – три длинные стальные иглы в чешуйчатом изрешеченном теле.

Что это нам говорит?

А то, что АЗАС не экономит боеприпас. Прошли годы, сюда наверняка совалось зверье, ищущее безопасные убежища и тут же подыхающее. На запах гниющей плоти приходили падальщики – и тоже подыхали. Сотни игл потрачено в этой многолетней мясорубке. И АЗАС все еще стреляет стандартной тройкой.

Вывод?

А он один – одна из лент, подающих короба боеприпасов, все еще функционирует.

– Не мне советовать, сеньор, – с нарочитым почтением произнес бывший советник и с намеком глянул на внедорожник, – но разве не разумней облачиться в…

– Ага, – кивнул я, вставая. – Конечно, разумней. Запихни жопу в неуязвимую стальную броню – и живи себе спокойно. Побеждай всех, имей всех, дави всех. А потом стальная броня сломается… и вот тогда весь обиженный мир попытается поиметь тебя. А ты? А ты нихрена к этому не готов – потом что расслабился и без боевого экза уже нихрена не можешь! Понял, боец?!

– Понял! – вытянулся Хорхе. – Как в древней легенде! Когда сучий выкормыш Акколон спер у короля Артура волшебный меч Экскалибур, подаренный Озерной феей, причем спер вместе с целительными ножнами – Артур хер положил на эту подставу и замочил врага обычным мачете! Почему? Потому что был готов! И на

волшебный меч не надеялся!

– Че?

– Ну…

– Артур, – повторил я. – Мы уже слышали это имя, да, Каппа?

– Дешевка, – едва слышно ответил мечник. – Уголек. Зомбитаун. Боец с волшебной рукой. Карл Эйжоп. Я помню.

– Уколоться тебе надо, – буркнул я. – Дай-ка второй щит. Ага… Так… Ладно. Слушай сюда. Забирайся в своего экза. Не приближайся. Вруби оптику на полную и наблюдай.

– Не вмешиваться?

– Только если я облажаюсь по полной. Твоя задача – наблюдать и учиться. Чувствует моя холка – еще не раз нам бодаться с АЗАС в этих сраных джунглях. Не все же мне…

– Есть.

Я дал мечнику пару минут, а затем, сделав глубокий вдох, одним движением оказался в темноте, вклинившись в нее боком и тут же рухнув на один из щитов. Второй прикрыл меня как булка гамбургер и тут же зазвенел от угодивших в него игл. Подскочив, вбив бронированный наколенник в месиво игл и хрустких костей, я рванулся вперед, заученно держа щит под углом, чтобы все выстрелы уходили по касательной вверх.

Шаг. Дробная дрожь. Знакомый тихий щелчок, означающий, что сейчас… Опять упав на колено, вбив край щита в почву, я отдернул руку и поставил второй щит перед первым. Этот АЗАС мне знаком. В сленге воров, диверсантов и убийц – Дикобраз-М. Стреляет только иглами, но может это делать с разной силой и скоростью. Чтобы не изнашивать и не перегружать оружейные системы. На два разных щита – полицейский пластик и самоделку из стали с крохотным оконцем – обрушился стальной дождь. Удерживая плечом трясущуюся

наклонную преграду, я терпеливо ждал, сквозь мутнеющее на глазах оконце щита наблюдая за все новыми и новыми точками игольных уколов. Какой у тебя может быть по объему игольный короб? Пусть даже на пятьсот игл, если брать по бюджетному стандарту, ты расстреляешь их быстро. А чтобы стальной град не прекращался, тебя должен продублировать второй АЗАС. Вот только вместо бронированного угловатого короба под потолком зияет дыра, топорщащаяся арматурой. А ты, стреляющая тупая железяка, давно уже не столь идеально утоплена в железобетоне…

Пауза.

И я спокойно встал – все еще прикрываясь щитами – двумя быстрыми шагами оказался у стены и с силой вбил обычное мачете в тонкую темную щель между металлом и бетоном. Всадил поглубже и тут же рванул в сторону, со скрежетом ведя ломающееся лезвие по всей пусть надежной, но все же достаточно нежной начинке.

АЗАС взвыл. Утробный машинный визг, дробный лязг, странный стук и редкие искры стали отходной молитвой этому примитивному охранному реликту.

Древние легенды, мать их…

Дай время – и электронную систему защиты тоже обожествят. Нарекут каким-нибудь страшным именем. А затем обожествят и того аборигена, кто явится сюда убивать мифическое чудовище.

Так и задумаешься – а может, это случалось однажды? Как с тем волшебным мечом из озера. Может, тому королю подарили не наточенную длинную железяку, а штурмовую винтовку со встроенной в приклад аптечкой?

– Каппа!

– Следую!

– Попробуй сдвинуть эти створки. А я пока гляну, что там дальше… – пробормотал я, вдоль стены осторожно двигаясь к отчетливо виднеющемуся впереди повороту.

Этих поворотов будет несколько. И все они в такой толще армированного бетона, что можно не сомневаться – не обвалились. Их простыми взрывами не пронять. Они для этого и создавались вместе со своими поворотами – чтобы погасить взрывную волну в случае чего, а также заставить потенциальных штурмующих изрядно попетлять на пути к цели, в то время как их поливают огнем системы активной защиты.

И вряд ли «дикобраз» самая серьезная из здешних систем. Это, скорее, привратник для остановки самых тупых наглецов. А вот дальше, за тем темным поворотом…

?

– Сука! – прошипел я, зубами выдергивая засевшую в ладони длинную иглу. – Дерьмо!

Вторая игла упала на землю.

– Лид?

– Половину, – глянул я на вышедших из арсенала бойцов, – половину отдаем Управляющей. Половину найденного грузим во внедорожник. Машину прицепом к створкам – и вперед!

– Есть!

– Нижние две полки – целиком системе. Организуй носильщиков, Хорхе.

– Есть!

– Управляющая, – эти слова я буркнул уже в передатчик.

– Я слушаю, команданте-мерсенарио Оди.

– Задание выполнено. Разведка произведена. Арсенально-техническое помещение ПМХР-48 зачищено и безопасно. Все системы активной защиты

уничтожены, – третью иглу я выдернул из щеки, глянул на дыру в пробитом забрале, сжал в кулак все еще дымящуюся левую ладонь. – Это задание было сложным. И опасным. А на опасность мне насрать до тех пор, пока мне платят тем, чего я хочу…

– Я очень ценю твой вклад в…

– Оцени прямо хорошо! – прохрипел я в передатчик, дернув пробитой щекой. – Мне нужна информация! Мне нужны сраные уколы!

– Я жду тебя. Дополнительное задание выдано. Проверь интерфейс, команданте Оди. Выполнив это задание, доставив все содержимое арсенально-технического помещения ПМХР-48, ты получишь необходимые для получения информации и доступа в особые помещения единицы внутреннего статуса. Ты будешь вознагражден за свои усилия, команданте Оди.

– Ща буду, – пообещал я и вернул передатчик на пояс.

Ожидаемо. Сначала доступ в арсенал, а затем, пока никто ничего не спер, немедленно доставить все барахло владелице.

Как она сказала?

Ты будешь вознагражден…

Сплюнув кровью, я глянул на сгибающегося под тяжелым контейнером Хорхе и пробормотал:

– Да. Вот так, сука, и рождаются легенды про фей, драконов и героев.

– И про волшебниц, сеньор! – прохрипел бывший советник, мотнув головой в сторону стены.

– Могильщица, – усмехнулся я, даже не обернувшись.

Я давно заметил эту троицу. Мокса Куидди и два ее лучших бойца. Тот, что был на стене с дальнобоем и тот, что прятался в клумбе. Пусть смотрят. Думаю,

сегодня вечерком смотрительница кладбища явится на переговоры.

– Лид! А оружейные точки в стенах? Дохлые АЗАС…

– Выламывайте все, что сможете! Когда мы вернемся сюда в следующий раз – здесь уже ничего не будет! – рыкнул я, приваливаясь спиной к дверце машины и доставая из кармана разгрузки моток пластыря и тюбик медицинского клея. – Эти кладбищенские заберут все, что мы оставим.

– Мы заберем все, – с холодной уверенностью прогрохотал Каппа, когда его глефа выбралась наружу, с легкостью таща серый пластиковый короб. – Я… я получил новый урок, лид.

– Ага, – кивнул я, косо глянув на обугленное правое плечо его экза.

– Этот опыт был… волнующ.

– Ага.

– Есть ли то, чего ты не знаешь или не понимаешь, лид? Твой опыт поражает… Я служил. Я воевал. Но я не знал способы обезвреживания АЗАС.

– Чего я не понимаю или не знаю?

– Да.

– Есть такое.

– И что это?

– Обычная мирная жизнь, – усмехнулся я, глядя, как клей заливает кровоточащую дыру в ладони. – Мирная работа, ждущие дома детишки, любящая жена, встречающая у порога, горячий ужин на столе, пятничные пивные посиделки с друзьями.

– У меня все это было. Но…

– Но?

– Но я все это забыл. Мне стерли память. Не осталось почти ничего.

– Вот видишь, – я насмешливо оскалился, – ты забыл про семью, а я все еще помню про способы уничтожения АЗАС. Так кто из нас в проигрыше, Каппа?

– Ты, лид. Если не оставил после себя детей… ты канул в прошлое и пропал.

– Ого… да мы задумались о сентиментальном прошлом. Совсем дерьмово. Мы начинаем раскисать, – подытожил я, переводя взгляд на едва видимую далекую вершину исполинской опухоли. – Мы начинаем задумываться, становимся мягкими. Нам срочно надо уколоться, боец.

– Да, лид.

– Ускорься.

– Да, лид.

Глава четвертая

Продолжающая пополняться столь привычным для любого низшего гоблина предметами жилая зона становилась все ближе мне – в ментальном плане. Собственными руками мы старательно создали себе сначала надзирателя, а теперь подвесили к крыше двух потенциальных палачей. Гоблины обрадовались сему событию.

Две малые автоматические оружейные точки встали на указанные Управляющей места. Первый шар занял позицию высоко в древесной кроне уцелевшего гиганта, нависающего над жилыми навесами. Вторая турель, выглядящая как полусфера, встала на стену, заняв свое родное гнездо за одним небольшим исключением – если подрубить питание проблем не составило, то вот подключиться к линии подачи боеприпасов возможности не было. Внутри внешней стены все давно умерло. Там вряд ли осталась хотя бы одна

шестеренка, способная крутиться. Но мы вышли из ситуации, подключив к турели два короба – один на пятьсот игл, а другой на триста пуль. Еще два короба встали рядом, дожидаясь своей очереди. Этого запаса меткой Управляющей хватит надолго – если не случится массированного нападения. Едва мы закончили подключение, две турели ожили и занялись пристрелкой, ерзая из стороны в сторону и посылая одиночные иглы по выбранными целям. Звенело стекло и жестянки, трещали получившие иглы столбы навесов, а видящие все это гоблины радостно улыбались и хлопали в ладоши.

Гоблины радовались.

Над их головами повисли автоматические турели, что способны одной очередью уничтожить все здешнее население, а они радовались. Они почувствовали себя куда более защищенными. Их Мать стала сильнее. Это ли не повод для радости?

На столы встали кувшины с мескалем и местным пивом. Улыбающиеся работяги поспешно рассаживались, указывали пальцами на турели, украдкой поглядывали на нас и с каждой секундой становились все более счастливыми.

Ну да. Нацель на затылок гоблина дружественный пулемет – и он помрет от счастья и чувства внезапной тотальной безопасности. Ведь теперь над ним нависли закон и порядок. Конец анархии. Вот она, любимая и тяжелая железная пята, что опустилась на взмокший от счастья загривок…

Ночь пришла неожиданно быстро, разом накрыв нас своим темным пологом. От джунглей пополз тяжелый запах раскрывшихся ночных цветов. Аромат, смешанный с вонью гниения. Огоньки насекомых поднялись от земли и закружились в бесцельном танце. В листьях кроны и на стене ненадолго вспыхнули яркие огни – турели врубили прожекторы, прошлись снопами ярчайшего света по окрестностям и снова потухли. Успевшие чуток отхлебнуть мескаля гоблины радостно загомонили.

Поняв, что отрубаюсь, я оглядел своих бойцов и погнал их к месту нашей стоянки.

Тренировка?

Вроде она сейчас по плану. Но все, кроме Каппы, выглядели изможденными кусками пересохшего дерьма.

Махнув рукой, я велел им отдыхать, а сам, сжевав кусок вяленого мяса и кукурузную лепешку, запил все водой и принялся приседать. Каппа приподнялся со своего места у открытой двери внедорожника, за которой замер его экз, но я покачал головой, и мечник снова вытянулся на прикрытом сетчатым пологом одеяле.

Кусачих тварей налетело столько, что вокруг меня, спрятавшегося под подвешенной к дереву и растянутой сеткой, клубилась настоящая грозная муть, готовая высосать все соки при первой представившейся возможности.

Не обращая внимания на пирующих гоблинов, на насекомых, на снопы скользящего по мне света изредка включаемых прожекторов, я продолжал приседать с упорством настоящего гоблина, знающего, что только от силы, выносливости и цепкости его лап зависит его будущее. Добив количество приседаний до семисот, я упал на землю, вжав пробитую ладонь в кишащую насекомыми почву и начал отжиматься. Взмокшие футболка и шорты облепили тело, учуявшие запах соленой воды насекомые закружились вокруг светящимся водоворотом, налегли на сетку в попытке прорвать ее и добраться до гребаной вкуснятины. А я отжимался, глядя перед собой в шатающуюся туда-обратно землю, вслушиваясь в ощущения рук, груди, плеч, понимая, что за последние недели обленился. После тысячи отжиманий, разбитых на семь подходов, я позволил себе выпить еще литр воды и взялся за нож. Следующие полчаса я с четкостью механизма отрабатывал связки ударов, после чего вбил нож в обрубок толстого тяжелого бревна и вместе с ним рухнул на землю, перейдя в партер. Перекатывая бревно, подбрасывая и роняя, вырывая и снова вонзая нож, я с остервенением крутился до тех пор, пока окончательно не лишился дыхания и сил. Обливаясь потом, дрожа, я медленно поднялся, обернулся и сквозь пелену крутящихся вокруг насекомых взглянул на жилую зону, где почему-то чуток затихло веселье.

А… вот почему… большая часть гоблинов смотрела на меня. В их застывших глазах читалось многое. Восторг, зависть, опаска. Скользнув по ним ленивым взглядом, я задержал глаза на крайнем столе – там появились гости. Мокса Куидди с десятком верных кладбищенских обитателей заняли места на лавках и предавались веселью вместе с остальными. Ну да. Обстоятельства изменились, и было бы глупо не сменить тактику.

Изоляция и самостоятельность кладбищенских резко сменились на доброе соседство с последующей интеграцией.

Больше не обращая на них внимания, я стащил с себя одежду и швырнул в общую кучу грязных шмоток, которыми завтра займутся прачки. Открутив крышку канистры, я поднял ее над головой и позволил потоку теплой, почти горячей, пахнущей пластиком воды смыть с себя пот, кровь, раздавленных насекомых и грязь. Отфыркиваясь, поглядел на тянущуюся над головой длинную узловатую ветвь, выглядящую достаточно прочной, чтобы выдержать мой вес, и прикинул, смогу ли выдержать серию подтягиваний, а затем подъемов корпуса. Заурчавшее не только желудком, но и легкими, горлом и кишечником тело запротестовало с такой силой, что я согласился дать ему передышку – пусть механизм из мяса, крови и дерьма чуток отдохнет. Привалившись к машине по соседству со спящим Каппой, я соорудил себе здоровенный буррито и, запивая все компотом, устроил жадное пиршество, сожрав все до последней крошки.

А теперь спать…

Тренировка принесла не только усталость, но и дала мозгу успокоиться, выплеснуть накопившуюся в каждой его клеточке ярость и жажду крови. И это позволило мне смежить веки и провалиться в восстанавливающий сон.

?

Слепленная усилиями целой команды талантливых пластических хирургов светловолосая ведущая переглянулась со своей соседкой за дугообразным столом – голограммой виртуальной ведущей, что существовала лишь в цифре, но не в реальности.

– Разве эти новости не прекрасны? – светловолосая пребывала в полнейшем восторге, старательно демонстрируя это бровями, глазами и даже выпяченными в экран губами и сиськами. – Эти люди – настоящие молодцы! Да, Минерва?

– Поддерживаю твой порыв, Клаудия!

Рыжеволосая голограмма отозвалась с не меньшим восторгом и улыбнулась так сексуально, что половина пялящихся в экраны гоблинов тут же сунула лапки в грязные штаны и старательно там зашурудила, закатывая глаза и пытаясь представить себя альфа-самцами, что жадно совокуплялись с этой красоткой прямо сейчас.

– Целый жилой комплекс принял важнейшее решение! – продолжала светловолосая, также подарив экранам широченную улыбку и чуть наклонившись вперед, давая всем увидеть родинку на выпирающей из тесного декольте пышной груди. – Они очистились! И это положило конец их бедствиям!

– Это покончило с их нищетой!

– Они проявили социальную ответственность!

– И получили за это заслуженную щедрую награду!

– Атолл Жизни сдержал свои обещания. Потрясающе!

– В их квартирах и коридорах снова появилась сияющая надежда!

– А без надежды нет ничего, да, Минерва?

– Да, Клаудия! Они доказали, что возрождение надежды возможно!

– Дадим сказать свое честное скупое слово обычному жителю этого прибрежного жилого комплекса! Вглядимся в его одухотворенное переменами лицо! Поймаем блеск его радостных глаз! Смотрим, друзья, смотрим и вдохновляемся их примером!

Экран мигнул. Картинка сменилась. Вместо телестудии на экранах появилась быстро приближающаяся старая жилая башня-небоскреб, чье основание было скрыто бушующими желто-зелеными пенными водами. Вот стены приблизились, стали видны рабочие, что деловито занимались починкой внешней обшивки, замазывая трещины, вставляя плитки, заваривая прорехи в арматурной сетке. Работа по восстановлению кипела. Сквозь одно из окон камера влетела внутрь и замерла, поймав объективом крупного и чуть растерянно улыбающегося

мужчину в обычной одежде. Свежевыбритый, подстриженный, он крепко вцепился в ручонку обмершей от страха девчушки и натужным взглядом сверлил камеру.

– Ну как вы теперь живете, Николай? – прощебетала Клаудия, чье уменьшенное изображение появилось внизу.

– Живем отлично! – напряженная улыбка мужчины стала шире. – Мы с дочкой счастливы! Да, Даша?

– Да-а-а… – чуть испуганно протянул ребенок, недоверчиво трогая свободной ручонкой пышный белый бант, покачивающийся над ее головой.

– Мы завязали, – продолжил Николай. – Э-э-э… перевязались! Дружно все обсудили и решили – хватит с нас пока детей. В каждой семье ведь есть по одному ребенку – куда уж больше? Надо подумать и о планете. И вот мы все обдумали, обсудили и решили – пора завязывать! Тут же, чтобы не откладывать, позвонили куда надо, вызвали докторов – и всей нашей жилой башней стерилизовались! А чего бояться? Дело правильное, дело, опять же, временное – всего-то на десять лет. Дадим планете чуток продохнуть!

– Правильное решение, Николай! Ответственное волевое решение! На благо всего мира!

– Да, Минерва! Мы счастливы!

– Выполнил ли Атолл Жизни свое обещание?

– Перевыполнил! Уже третий месяц получаем деньги и продукты от Атолла! Снова заработала больница, открылись детские садики, в школах появились новые грамотные учителя. Атолл Жизни сдержал слово! И у нас появилась надежда!

– Как вы оцениваете свое будущее, Николай?

– Положительно, Минерва! Положительно! У нас все будет хорошо!

– Вы смотрите в грядущее с улыбкой, Николай?

– С широченной счастливой улыбкой, Клаудия! У нас новое светлое будущее!

– И все это случилось благодаря чему? Благодаря кому, Николай, вы стали таким счастливым?

– Атолл Жизни! Благодаря честности, порядочности и щедрости Атолла Жизни! Корпорация держит свое слово! Корпорация Атолл Жизни думает о будущем. Атолл Жизни заботится даже о таких, как мы, рядовых гражданах самоуправляемых жилых комплексов. Спасибо Атоллу Жизни!

– Мы рады вашему настрою и позитивности, Николай! А что думает ваша славная дочь Даша?

– Они холосые! Очень холосые! – закивала девочка и вместе с ней закивал слишком большой белый бант. – Атолл Жизни очень холосый!

– Спасибо Атоллу Жизни! Спасибо ему! – заторопился Николай.

Зажатый в руках девочки большой розовый мишка вдруг шевельнул пушистыми игрушечными лапами и, повернув мордочку к экранам, радостно произнес:

– Я новый друг Даши! Меня подарил Атолл Жизни. Я очень люблю Дашу! Я очень люблю ее родителей, что больше не будут рожать детей в это неблагополучное время!

– Ми-и-и-ишка, – пискнула Даша и на это раз ее улыбка была куда более искренней и радостной. – Мой ми-и-ишка….

– Да, – вздохнула Клаудия, одарив всех зрителей сверкающей улыбкой на миллион. – Всем бы так заботиться о обычных людях нашей страдающей планеты. Всем бы так заботиться о будущем нашего мира. Атолл Жизни творит чудеса. Думаю, все помнят девиз Атолла, обращенный к вам, да?

– Я помню! – встряла Минерва. – Только позови – и мы придем! Атолл Жизни придет!

– Атолл Жизни придет, – повторила Клаудия. – И поможет! Поможет! Вы только посмотрите, что происходит – целая жилая башня, огромная башня, чиста, сыта и с оптимизмом смотрит в будущее!

– И не забываем, мои дорогие представители вымирающих национальностей! Никто не вправе заставить вас рожать! Помните – национальные меньшинства имеют право не рожать!

– И вообще – разве разделения на национальности не являются пережитком прошлого? Все мы жители одного мира! Не хотите – не рожайте! Помните! Национальные меньшинства имеют право не рожать!

– Пусть пример Николая заразит вас!

– Пусть подтолкнет к немедленным действиям!

– Следуйте за Николаем и всем населением их жилой башни!

– Добровольная стерилизации – ключ к спасению нашей планеты!

– Ключ к спокойной обеспеченной жизни!

– Пусть пример Николая заразит вас!

– Национальные меньшинства имеют право не рожать!

– Спасем планету вместе!..

?

Проснувшись, я, сдерживая стон боли, откинул сетчатый полог и поднялся. Подошедший Каппа тут же протянул парящую кружку, взглядом указал на занятых сортировкой трофейного оружия и снаряжения бойцов.

– Хорошо, – кивнул я и сделал глоток крепкого сладкого кофе.

– Планы, лид?

– Завтрак. Тренировка. Завтрак. Затем забираемся в экзы и топаем к Управляющей.

– Намечается бой?

– Не, – покачал я головой. – Скорее, протискивание среди каменных завалов и сплющенных костяных жоп тех, кто не успел эвакуироваться. Система дала понять, что откроет нам доступ в какие-то секретные помещения.

– Взорванные постройки…

– Верно. И мне не улыбается сдохнуть, когда на меня ляжет сместившаяся плита межэтажного перекрытия. Подготовь все для стрельб, сержант.

– Есть.

– И поделись таблеткой шизы…

– Таблетки кончаются, лид.

– Не жми шизу для командира, гоблин.

К «храму» мы выдвинулись через два часа. Только я и Каппа. Хорхе опять спал, рядом дрых Камино. Метрах в двухстах на кабачковых грядках усердно трудился потерявший свой статус минос. А мы с мечником, двигаясь в экзах, легко тащили на себе еще одну турель и запас боеприпасов к ней. Умная Управляющая решила взять под контроль бывшую парковку перед входом к главному оку. Верное решение. Автоматическая турель куда лучше справится с защитой важного объекта, чем ленивый похотливый бычара.

Пока шагали, я, рассасывая под языком две таблетки сразу – обезбол и витамины, сквозь забрало обрадованного моим возвращением боевого экзоскелета оглядывал окрестности, подмечая все произошедшие изменения.

Да… в моей голове немало вернувшихся рваных воспоминаний о чуть ли не миллионе различных организаций, учреждений, школ, гимназий и прочих подобных мусорок, что обучали грамоте иного рода – способу преуспевания в жизни. И все они, как один, облаченные в безукоризненные деловые костюмы, белозубо скалясь потным от волнения и собственной никчемности слушателям, утверждали, что секрет преуспевания прост – надо жить в мире с самим собой. И все. Как только, мол, перестанешь осуждать себя, перестанешь подгонять и давить сознательным на подсознательное – все тут же наладится. Появятся деньги, вырастут из дерьма дома, побежит навстречу пищащая от восторга ослепительная красотка или воркующий самец с уже поднятым к небесам устройством награждения переставшей себя осуждать и потому преуспевшей гоблинши…

Ну да…

Вот здесь так все и было – мягкая Управляющая, возможность выборочно выполнять ее задания и с помощью социального пайка жить припеваючи. Все эти гоблины явились сюда, считая себя незаслуженно обиженными, переработавшими, безмерно усталыми и использованными той злой системой. Уж здесь-то они покажут себя… Уж им-то точно не за что осудить себя, бедолажек.

И они себя показали – пожирая фрукты, валяясь под навесами, гадя в джунглях и пердя, они жили в мире с собой и не пытались себя подгонять.

Результат?

Результат столь же положительный, как от кучи блевоты пораженного радиацией бедолаги – ну нахрен. Приближаться к этой куче не просто не хочется – это тупо опасно для здоровья.

И вот пришел я…

Дороги очищены, джунгли вырубаются, мусор убран, переполненные ямы нечистот закопаны, мелкое вороватое зверье и колонии насекомых уничтожены. С раннего утра на огородных грядках час пик из жаждущих потрудиться гоблинов. Стук топоров и мачете оповещает о том, что срубленные вчера

деревья очищают от сучьев, а дружные хриплые стоны говорят, что трудящиеся гоблины стараются изо всех сил. Поблескивающие от утренней росы оружейные точки системы пулеметными стволами ласково смотрят на трудящихся. Идиллия… вот он, рай благоуханный… И для его достижения всего-то потребовалось прикончить пяток самых гнилых, а остальных чуток покалечить и просто напугать.

Да. Тяжелый ботинок на потном загривке – шаг первый.

Дать им понять, что они дерьмо как внутри, так и снаружи – шаг второй.

И вот тогда самые стойкие зашевелятся, застонут и… начнут меняться.

Одна из турелей коротко рявкнула, вырывая меня из несвойственных размышлений. Со стены, извиваясь и корчась, рухнула гигантская сороконожка, чем-то напомнившая мне тех, что обитали в Мире Монстров. Упав, перекошенное двухметровое насекомое перевернулось и замерло, пытаясь понять, куда бежать – у того участка стены уже не было никаких укрытий. Кусты вырублены, трава вырвана, деревья выкорчеваны. Оранжевая тварь углядела постройки и побежала к ним, распугивая визжащих гоблинш. Еще один короткий треск, одинокий оружейный выстрел… и тварь забилась на месте, показывая насколько живуча. Дело закончил подскочивший Хорхе, бахнувшей ей в башку из дробовика. Я недовольно поморщился – придурок подошел слишком близко из-за боязни промахнуться и… Резкий удар задней части рефлекторно изогнувшегося туловища прошелся по бедру заоравшего во все горло Хорхе, сбив его с ног. Сороконожка продолжала дергаться в луже слизи, а бывший советник, вздрогнув, зло ударил себя ладонью по губам, подскочил, через плечо глянул на нас, замерших у начала ведущей к храму тропы и… закинув дробовик за спину, вырвал у одного из местных мачете, замахнулся…

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/dem-mihaylov/infer-2

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити